

П Е Р Е В О Д Ы

Антуан де Сент-Экзюпери

ЦИТАДЕЛЬ

## ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

"Цитадель" /по первоначальному замыслу "Каид" - так назывались вожди тунисских и марроканских племен/ составляет примерно 30 печатных листов. Текст разбит на главки, номера которых по Галлимаровскому изданию я привожу. Основные образы повторяются на протяжение всей книги, однако каждая главка большей частью представляет собой вполне законченное целое. Поэтому я позволила себе выбирать из книги те главы и отрывки, которые были мне наиболее близки по содержанию и не представляли слишком больших трудностей для перевода.

## ПРЕДИСЛОВИЕ ИЗДАТЕЛЕЙ

Первые страницы этого произведения были написаны в 1936 году. Они начинались так: "Я был берберским властелином, я возвращался домой. Я присутствовал при стрижке тысяч овец в моих владениях. Они не носят там колокольчиков, которые со склонов холмов, спадающих к звездам, оглашают благословениями воздух. Они лишь подражают звуку текущей воды, и эта музыка одна может ободрить нас, изнемогающих от жажды..." Основные рамки произведения остались теми же, хотя тон его несколько изменился.

Дриэ Ла Рошель и Кремье, которым Сент-Экзюпери читал первые страницы, отнеслись к ним сдержанно. Для них Сент-Экзюпери был поэтом действия, писателем мужественности, от которого мир ждал новых повестей о новых подвигах. По своей скромности Сент-Экзюпери был чрезвычайно чувствителен к критике. Он вернулся с этого чтения очень подавленным и взволнованным мыслью, что он, может быть, пошел по пути, ему не свойственному, он - которого интересовали события только внутреннего мира человека.

Воспоминания о жизни в Сахаре связывались для Сент-Экзюпери с основной его темой и поэтому пустыню он избрал местом своих медитаций.

Если мы познакомились с трущами Сент-Экзюпери в целом, нас поразит неуклонность того направления, которое привело его от формы романа "Юный почтовый" к лишенной какой бы то ни было канонической литературной формы "Цитадели". Нравственные устремления, составляющие основную его заботу, наполняют постепенно содержание всех его писаний, изгоняя тем самым из них все литературные эффекты. Но персонажи, тем не менее, остаются теми же. Сент Экзюпери признает необходимость сюжета в той мере, в какой этот термин может быть применен к Новому Завету, — сюжета в форме простой притчи, без подстилающих ее символов и реминисценций.

Всегда воплощенная в образы этическая концепция Сент-Экзюпери ищет свое выражение лишь в системе уже созданного "языка". Он никогда не подвергает сомнению необходимость вселенной, приведшей к созданию данного типа человека. Человека, ответственного перед другим человеком — такой же частью этой вселенной. Сент-Экзюпери стремился к духовной свободе, но не терпел безответственности по отношению к людям.

"... Ты хочешь, чтобы человек твердо стоял на ногах, отягченный правами и обязанностями, и вместе с тем отказываясь от бремени, налагаемого жизнью на каждого человека, подобного иношке каменщика на стройке, выполняющего приказ хозяина... Ты пуст, если ты отказываешься от выполнения своего долга".

Стремясь установить условия, создающие внутреннюю жизнь, исполненную духовного содержания, Сент-Экзюпери изучает основные этапы пути, приводящего человека к Богу: семью, дом, ремесло, человеческое общество, и их претворение усилием духа в величие, их превосходящее. "Человек хочет наделить смыслом свой удар мотыгой". Что же он предлагает человеку, чтобы этот удар мотыгой приобрел смысл? Он предлагает лишь усилие преображения от человека к Богу в противовес собственничеству и статическому наслаждению. Он сформулировал эту свою мысль еще со времени "Ночного полета": "претворение смертного тела...". И он повторяет ту же мысль в "Цитадели": "Что случилось, сапожник, что ты так радуешься? Но я не до-

жидался его ответа, заранее зная, что он не понимает того, что в нем происходит, и будет мне рассказывать о заработанных деньгах или об ожидающих его радостях, или об отъезде. Он сам не знает, что счастлив оттого, что претворил себя в золоченые бабушки". Эта идея претворения повторяется неизменно: "И вот они трудились, создавая не имеющее никакого применения богатство, целиком претворившись в нетленную вышивку".

Уже одна эта концепция Сент-Экзюпери отвергает всякую систему, имеющую единственной целью материальное благополучие человека.

Гуманизм Сент-Экзюпери позволил людям самих противоположных политических и социальных убеждений ссыльаться на него в полемике и цитировать его в подтверждение своих тезисов.

Отныне такие приблизительные истолкования его мыслей будут уже невозможны. В "Цитадели" Сент-Экзюпери непрестанно возвращается к своей основной теме, словно боясь какого бы то ни было недоразумения в интерпретации его верований. Чтобы рассказать свои убеждения, он "илюстрирует" их большим количеством примеров. При желании можно, конечно, из любого контекста выхватить любую мысль и воспользоваться ею для эпиграфа, но Сент-Экзюпери не оставил ничего непосказанного, и поэтому такие цитаты уже не смогут быть с прежней легкостью заимствованы в подкрепление того или иного политического или этического довода.

Посмертные произведения Сент-Экзюпери оставлены им в состоянии, которое он сам назвал "рудой". Тем, кто интересовался появлением этих произведений в печати, он улыбался говорил: "Я никогда не доведу их до конца... Это мои посмертные труды!"

Уезжая в Соединенные Штаты в декабре 1940 г., Сент-Экзюпери увозил с собой магнитописные тексты и рукописи, представлявшие собой примерно глав пятнадцать теперешней книги. Некоторые исправленные им главы имели почти законченную форму - это главы "Дворец моего отца", "Замученная", "Женщины", - но они еще не обладали дидактической силой глав, последовавших за ними. Перечисленные главы были написаны в

мирные времена, когда еще не ощущался так остро духовный кризис, заставивший позднее автора с такой силой понять всю необходимость высказывания своих нравственных убеждений.

Война, пережитое поражение, разделение французов на два лагеря и события, которым он стал свидетелем в Соединенных Штатах, несколько изменяют направление его мысли, и его этические построения наполняются социальным содержанием. . .

В начале 1941 г. Сент-Экзюпери покидает Нью-Йорк и едет лечиться в Калифорнию. Выздоровивая, он пишет статьи и работает над "Цитаделью".

По возвращении в Нью-Йорк он пишет первую часть "Военного летчика" — воспоминание о полете на Аппас, — и на этом останавливается. . . .

В эпоху, когда дух партийности вносит все большее смятение в жизнь мысли, когда большинство требует лозунгов и военных кличей, Сент-Экзюпери хочет передать в ясной и понятной форме убеждения, которые управляют его мыслью и поступками.

Непонимание, на которое он наталкивается среди некоторых французов, клевета, жертвой которой он становится, делают годы эвакуации самыми горькими годами жизни Сент-Экзюпери.

Без горечи и озлобления Сент-Экзюпери рисует самого себя как "певца, обвиняемого в фальши, потому что он поет с душой в мире, утратившем душу, и поэтому славит мертвого Бога..." Он никогда не выступает против своих врагов, но о берберских беженцах он говорит: "Они следили друг за другом, словно псы, кружавшие у кормушки" и о самом себе: "стоя вне всякой партийной борьбы, в моем непоправимом изгнании, я не был ни за тех, ни за других. Ни за вторых против первых, управляющих кланами, партиями, секциями, борющихся за дерево против частей, его составляющих, ни за отстаивающих части дерева против самого дерева; я вне этой борьбы; кому же впору спорить со мной?"

. Итак, хотя "Цитадель" и не растрогает читателя лирической доверчивостью "Маленького Принца", который раскрывает всю душевную тонкость Сент-Экзюпери, — это произведение, несмотря на свою форму, не менее близко писателю, и всякий узнает ближе жизнь Сент-Экзюпери, найдет на страницах "Цита-

дели" отражение событий, потрясений и неизменной линии его судьбы.

Единство "Цитадели" определяется голосом центрального персонажа, в ней говорящего. В течение первых песен этот еще молодой вождь проходит у своего отца, владыки царства, школу управления людьми. Он смиленно выслушивает наставления того, кто впоследствии передаст ему власть. Став великим владельцем, он видит все, что разворачивает или одухотворяет его народ, что служит развалу или укреплению его царства.

Слитность произведения создается скорее его атмосферой, чем последовательностью событий. Многие упрекнут этот текст именно за его форму, которая может быть названа библейской. Но мы не думаем, чтобы на основании этой формы можно было делать выводы о влиянии на Сент-Экзюпери восточных писателей. Он пришел к этому стилю по естественной склонности сердца. В минуты вдохновения он часто искал выражения своей мысли в форме лирического речитатива, и часто, когда он излагал одну из своих любимых концепций /например, о соблюдении качества работы/, он становился по отношению к собеседнику в позу владельца "Цитадели", говорящего к своему народу.

В этом произведении, составляющем итог всего Экзюпери, собраны его мысли, которыми он жил на протяжение многих лет; он оставил его нам в виде незаконченных черновиков, по большей части почти не поддающихся прочтению, и 985 страниц машинописи.

Сент-Экзюпери работал до поздней ночи, а перед тем, как лечь спать, диктовал всю свою вечернюю работу диктофону. Министка забирала по утрам валики и переписывала все, что слышала, как понимала. Из этих 985 страниц Экзюпери просмотрел лишь очень немногие. Он считал, что прежде, чем исправлять и выкидывать, ему остается многое, что сказать. Текст не упорядочен и, кроме того, содержит много ошибок из-за неправильно понятой фонетики: омонимы, неправильные лъезоны и т.д.. Таким образом, читатель в процессе чтения встретит не одну фразу, смысл которой трудно понять, или главы, представляющие вариации одной и той же темы. Мы не сочли возможным заменять Сент-Экзюпери в работе по подбору глав, в исправлении смысла и редактировании иных фраз.

Сент-Экзюпери прибыл в Северную Африку в марте 1943 года. В августе того же года он был зачислен в запас. Он тотчас же стал добиваться перевода на действительную службу, но только в феврале 1944 года ему удалось этого достичь: узнав о присутствии генерала Икера /американский генерал, командовал воздушными силами на Средиземноморском фронте, и группа 2/33 находилась в его распоряжении/ в Неаполе, Сент-Экзюпери приложил все усилия, чтобы с ним встретиться. Благодаря любезности друга, он вылетел из Мезон-Бланш /предместье Алжира/ и направился в Неаполь. Он ставил на карту последний шанс, он шел на все, лишь бы не возвращаться в Алжир.

В Неаполе, на командном пункте, он ожидался приема генерала с терпением и настойчивостью, на которые был способен лишь он один, когда чего-нибудь сильно хотел. Главнокомандующий радушно принял огромного, почти лысого летину с седыми висками, который, как ребенок, умолял его о позволении летать.

Итак, через американское командование Сент-Экзюпери добился разрешения вернуться в группу 2/33. Генерал Икер дал ему разрешение на пять вылетов. К концу июля он насчитывал уже восемь вылетов и постоянно набивался добровольцем на новые задания, повергая в тревогу товарищей. Страшась за его жизнь, командир эскадрильи вступил в заговор с другими офицерами и решил посвятить Сент-Экзюпери в планы высадки союзных войск на Юге Франции и тем самым лишить его возможности летать. Раскрытие секрета было назначено на 31 июля. И вот утром 31 июля Сент-Экзюпери поднимается в воздух для разведки в области Гренобля и Аннеси — недалеко от мест, где протекало его детство. Он так настаивал, чтобы ему поручили эту разведку... Он вылетел в хорошем настроении, полностью владея машиной и по прекрасной погоде. Так как мы не имеем никаких сведений, мы позволяем себе думать, что его падение было быстрым и что он был сбит немецким огнем. Он был готов ко всему и совершенно спокоен:

"Дай мне приобщиться славы твоей, когда я усну среди песков пустыни, где я хорошо потрудился."

## 2.

И вот я долго размышлял о смысле покоя. Покой приходит только с новорожденным младенцем, с убранной жатвой, с наведенным, наконец, в доме порядком. Покой исходит от вечности, в которую переходят все завершенные вещи. Покой житниц, покой спящих овец, покой сложенного белья, покой единственного совершенства, покой всего, что сделано хорошо и становится поэтому даром Богу. . .

.. Потому что мне представилось, что человек похож на цитадель. Он разрушает ее стены, чтобы быть свободным, но становится лишь разоруженной крепостью, открытой всем звездам. И тогда начинается небытие. Пусть же он сотворит себе истину из запаха тлеющей лозы или овечьей шерсти. Истина выкапывается, как колодец. Когда взгляд рассеивается, он теряет видение Бога, потому что Бога познает не неверная жена, разверзающая объятья всем зовам ночи, но мурзец, сумевший сосредоточиться на чем-то одном, которому ведома тяжесть шерсти. . .

Цитадель, я построю тебя в сердце человека.

## 25.

Вот почему я призвал к себе воспитателей и сказал им:

- Вам не дано право убивать человека в человеческих детенышах, ни превращать их в муравьев на благо муравейника. Меня не слишком беспокоит, насколько человек более или менее обеспечен. Беспокоит меня, насколько он более или менее человек. Я не спрашиваю прежде всего, счастлив человек или нет, мне важно, какой человек счастлив. И мне нет дела до процветания сытых собственников, как нет дела до скота в стойле. . .

Вы не должны их пичкать готовыми формулами, которые пусты, но питать их образами, несущими импульсы.

Вы не должны с самого начала набивать их головы мертвыми знаниями. Но вы должны развивать в них чувство стиля, чтобы они научились схватывать и понимать.

Вы не должны судить об их одаренности на основании того только, насколько они легко продвигаются в том или ином

направлении. Потому что дальше всего уходят и наибольших успехов достигает тот, кому пришлось более всего преодолеть себя. Поэтому, для вас прежде всего должна иметь значение любовь.

Вы не будете слишком напирать на навыки. Но на созищание человека, чтобы он со всей верностью и со всем человеческим достоинством строгал доску, и от этого он станет строгать ее лучше.

Вы будете насаждать уважение, потому что ирония и насмешка суть забвение лица и обволакивает, как рак.

Вы будете бороться с привязанностью человека к материальному. И вы сотворите человека в человеческом детеныше, преподав ему прежде всего жизнь как обмен, потому что жизнь вне обмена есть очерстение и смерть.

Вы научите его молитве и размышлению, потому что в молитве и размышлении ширится и растет душа. И вы научите его любви. Иначе — что же ее заменит? Любовь же к самому себе есть противоположность любви.

Вы будете карать прежде всего ложь и доносы, которые, конечно, могут быть выгодны человеку, а также, на первый взгляд, и государству. Но только верность творит сильных. Потому что нет верности одному лагерю, которая допускала бы неверность к другому лагерю. Кто верен, тот верен всегда. И неверен тот, кто может предать своего товарища, идущего с плугом по соседней борозде. Мне нужно сильное государство, и его сила не может опираться на разложение человека.

И вы будете воспитывать вкус к совершенству, потому что всякое дело есть путь к Богу и может завершиться лишь со смертью...

И вы будете прежде всего проповедовать прощение и милосердие. Потому что они могут быть дурно поняты и превратиться в поругание и потворство порокам. Но вы должны учить чуду общего дела, творимого всеми и каждым. И тогда хирургипустятся в дальний путь через пустыню для того только, чтобы вправить колено пострадавшему. Потому что все дело в движении и в пути. И у них у обоих один и тот же проводник.

В этот год умер тот, кто царствовал на востоке от моих владений. Тот, с кем я жестоко сражался и, после нескольких сражений, понял, что опирался на него, как на стену. Я вспоминаю наши встречи. В пустыне воздвигался пурпурный шатер, и шатер был пуст, пока мы с ним не сходились в нем, в то время, как наши войска стояли в стороне, потому что не подобает армиям превращаться в толпу. Толпа живет брюхом. И всякая позолота быстро отскакивает с нее. Итак, солдаты ревниво следили за нами, опершись на верное оружие и не поддаваясь дешевым чувствам. Потому что прав был мой отец, говоривший: не ищи человека на поверхности, но на седьмом этаже его души, его сердца, его духа. Иначе, ища друг друга в наших самых низких проявлениях, вы будете только бесполезно проливать кровь.

И я понял отца, и приходил на свидание с врагом, отрекшись от всего ненужного и замуровав себя в тройную броню одиночества. И мы усаживались лицом друг к другу на песок. И я не знаю, кто из нас двоих был тогда сильнее — он или я. Ибо в высоком уединении мерой становится сила. Потому что каждое наше движение могло потрясти мир, и оно было в нашей власти. Мы обсуждали вопрос о пастбищах. "У меня двадцать пять тысяч голов, — говорил он, — и они погибают. А у тебя прошли дожди." Но я не мог допустить, чтобы его люди занесли в мои владения заразу чужих обычая, сомнения и неверия, которые растлевают. Как допустить в мое царство пастухов из другой вселенной? Я сказал ему: "У меня двадцать пять тысяч детей, которые должны учиться молитвам моего царства, а не другого, потому что иначе они не обретут лица..." И оружие решало спор. И мы были похожи на два океана, с их приливами и отливами. Но вот наступает минута, когда ни моя армия, ни его уже не могли сдвинуться с места, потому что мы достигли наивысшего напряжения, ибо каждое новое поражение укрепляло врага. Ты победил меня, и вот я стал от этого сильнее.

.. Не то, чтобы я пренебрегал его величием. Или висячими садами его столицы. Или духами и пряностями его купцов. Или изящными изделиями его ювелиров. Или его грандиозными

дамбами. Пренебрежение придумано низкими духами, потому что их истина исключает чужую истину. Мы же, знавшие, что истины существуют одна рядом с другой, мы не считали унизительным для себя признавать чужую истину, даже если для нас она и была заблуждением. Яблоня, я знаю, не презирает виноградную лозу, ни пальма не презирает кедра. Но каждое дерево укрепляется от сопротивления более сильному и не смешивает своих корней с его корнями. И спасает свою форму и сохраняет свою сущность, потому что в этом неповторимая ценность, которую полюбает беречь.

— Истинный обмен, — говорил мне отец, — это ларчик с духами, или семя, или кусок золотистой кедровой коры, которые наполняют твой дом запахами моего дома. Или еще мой военный клич, когда он доносится к тебе с моих гор. Или я уподоблю его послу, который прошел долгую школу непреклонности и верности и который научился одновременно и принимать и отвергать тебя. Потому что он отвергает тебя на твоем низшем уровне. И обретает и приемлет тебя там, где человек выше ненависти. Единственное стоящее уважение — это уважение врага. Потому что уважение друзей истинно только, если оно не вызвано их благодарностью, признательностью или подобными им вульгарными побуждениями. Если ты умираешь за друга, я защащаю тебе сентиментальничать.

Итак, я солгал бы, если бы сказал, что видел в нем друга. И вместе с тем наши встречи были для нас глубочайшей радостью — но именно тут-то слова и оказываются несостоятельными из-за человеческой грубости. Потому что радость относилась не к нему, а к Богу. Он был путем к Богу. Наши встречи были замком свода. Но нам нечего было сказать друг другу.

Да простит мне Бог мои слезы, когда он умер.

Мне было слишком хорошо ведомо несовершенство моей печали. Если я плачу, — говорил я себе, — значит, я еще недостаточно чист. И я представлял себе, как он, узнав о моей смерти, спокойно заглянул бы в глаза земной ночи. И это великолепное завершение дня он воспринял бы теми же глазами, что и сумерки. Как тот, кто утопает и для которого весь мир преображается под спящим зеркалом вод. "Господи, — сказал бы он своему Богу, — наступает ли ночь, приходит ли день, — все тво-

рится по воле Твоей. Но разве что-нибудь утрачивается из этого созревшего колоса или из этой завершившейся эпохи? Я был." И вот он замкнул бы меня в своем нерушимом покое. Но я не был еще достаточно чист и не всей душой полюбил вечность. И как женщина, я предавался бесплодной печали, видя, как под вечерним ветром блекли и поникали мои живые розы. Потому что я увядаю в розах. И я умираю в них.

За долгую жизнь я похоронил многих своих военачальников и низложил советников, и потерял жен. Я оставил позади сотни образов самого себя, как змей оставляет свои кожи. И вместе с тем, как снова всходит солнце — мера и маятник дня, — или наступает лето — мера времени года, — так от встречи к встрече, от договора к новому договору, — мои люди снова вздигали в пустыне пустой шатер. И мы снова встречались с ним. Таков был торжественный обряд, и такова улыбка на пергаментном лице и спокойствие на пороге смерти. И молчание, которое не от человека, но от Бога.

И вот я остался один, со всей ответственностью за мое прошлое и без единого свидетеля моей жизни. Со всеми поступками, которые я не удостаивал объяснять моему народу, но которые он, мой восточный сосед, понимал; со всеми движениями души, которые я не выставлял напоказ, но которые он угадывал в моем молчании. Со всей ответственностью, которая меня обременяла и о которой не подозревали мои люди, потому что им подобало верить в мой произвол, но которую взвесил бы он, мой восточный сосед, с иной стороны и с иной высоты, — не ведая ни сочувствия, ни снисхождения, — и вот он уснул в раскаленных песках, накрывшись единственным подобающим ему саваном — песком, — и вот он умолк, и вот когда в нем родилась печальная, исполненная вилением Бога улыбка, приемлющая связанные в сноп колосья, не ведающая нужды в запасах. О, сколько было эгоизма в моем горе! И я был слаб, я придавал значение начертаниям моей судьбы, которых нет; я приравнивал царство к себе, вместо того, чтобы раствориться в нем, и полагал, что моя собственная жизнь могла завершиться, как странствие, на этой вершине.

В эту ночь я познал в своей жизни линию волораздела и, после медленного подъема на гору, мне открылся ее другой

склон; я никого не узнавал, впервые почувствовав себя стариком; и не видя родных лиц, равнодушный ко всему, потому что я стал равнодушен к самому себе, оставил за перевалом всех своих военачальников, всех жен, всех врагов и, может быть, моего единственного друга — я остался отныне один в мире, обитаемом неведомыми мне людьми.

И тогда я снова обрел себя. Я разбил, — подумал я, — свою последнюю скорлупу, и теперь я, может быть, стану, наконец, чистым. Я придавал слишком большое значение себе, но я был мелок, и это испытание мне было послано, потому что я мельчал. Меня обуревали низменные чувства. Но я сумею воздать ему должное — моему мертвому другу во всем величии, я не буду плакать. Он просто был. И песок пустыни покажется мне одухотворенным, потому что я так часто видел его улыбку на просторах пустыни. И улыбка всех людей обогатится для меня его собственной улыбкой. Потому что я смог провидеть в человеке замысел, которого еще не разглядел и не выточил из камня ни один ваятель, я же сумею увидеть в камне лицо человека, потому что одному из людей я заглянул прямо в глаза.

И вот я спускаюсь со своей горы: не бойся, народ мой, я снова связал нить. Я был неправ, нуждаясь в человеке. Рука, исцелившая меня и сшившая разрыв, исчезла, но остался шов. Я спускаюсь с горы навстречу овцам и ягнятам. Я ласкаю их. Я один на свете перед Богом, но гладя ягнят, дающих выход моим душевным силам, я через них склоняюсь над человеческой слабостью, и я снова обретаю себя.

Что же до моего врага, — то я вознес его, и никогда не парил он так нерушимо. Я вознес его в смерти. И каждый год в пустыне вновь воздвигается шатер, в то время как мой народ стоит на молитве. Мои солдаты опираются на ружья, ружья заряжены, всадники гарцууют на страже пустыни, и всякий, кто осмелится вторгнуться в ее пределы, рискует головой. И я — я один. И приподнимаю полог шатра, и вхожу в шатер, и сажусь. И молчание воцаряется на земле.

39.

Научись понимать принуждение любви. Мне неинтересен тот, кто клянется мне и ждет моего слова, чтобы заговорить

109.

самому. Потому что я иду в поисках света в людях. Одно дело петь хором. И другое дело творить песню. А кто участвует в созидании?

Потому что вот еще одна дилемма, которую надо поставить. Нет созидания, которое не охватывает всех. Нет созидания, если ствол дерева не охвачен любовью. Но дело вовсе не в подчинении каждого всем; совсем наоборот; дело в направлении движения соков, которое раскидывает в небе ветви, как свод храма. Здесь впадают в ту же ошибку, которую совершают логики, когда они обнаруживают план творения и полагают, что он-то, т.е. план, и породил творение, тогда как план есть лишь его выражение. Тогда как план есть явленное лицо. Дело не в подчинении каждого всем, но каждого — творению, и каждый принуждает других расти, может быть даже своим сопротивлением. Я один не могу понудить к созиданию, потому что если мои люди получают только от меня одного, они становятся опустошенными и обездоленными. Но я получаю от них всех, и вот они возвеличены тем, что они в качестве своего выражения обладают мной, которого они сначала возвеличили сами. Так же, как я беру в руки их ягнят и коз, и семена, и все вплоть до стен их жилищ, чтобы все это сделать моим и чтобы затем все это, ставшее даром моей любви, отдать им же; так и с храмами, которые они воздвигают.

Но как свобода — не вольность, так и порядок не есть отсутствие свободы. /К свободе я еще вернусь/.

Я напишу гимн молчанию. Ты созидаешь музыку плодов. Ты обитаешь в погребах, в кладовых и амбарамах. Ты — сосуд, хранящий мед, сотворенный усердием пчел. Ты — покой над ширью безбрежного моря.

В тебе я с высоты горы заключаю мой город. Его стихающий шум, его гомон и звучный грохот его наковален. И вот уже вся суeta приостановлена в вечерней тиши. Да пребудет попечение Господне над нашей лихорадочной суетой, да накроет Господен плат волнение человеков.

Молчание женщин, ставших плотью, в которой созревает плод. Молчание женщин под тягостью набухших грудей. Молчание женщин, означающее молчание суэтного тщеславия дня и жизни, порождающей день. Молчание женщин, ставшее святыми

щем и вечностью. Молчанием, в котором приостанавливается до следующего дня единственный путь, ведущий куда-то. Она слышит ребенка, который стучится в ее чреве. Молчание — хранилище моей чести и крови.

Молчание мужчины, опершегося на руку и раздумывающего и собирающего, отныне уже без урона, плоды трупов, отстававшихся в соке мыслей. Молчание, позволяющее ему знать и не знать, потому что благо — иногда и не знать. Молчание, изгоняющее червей, и паразитов, и сорные травы. Молчание, хранящее тебя в потоке твоих мыслей.

Молчание самих мыслей. Покой пчел, потому что мед готов и превращен в сокровище, которое нужно склонить. И которое зреет. Молчание мыслей, у которых растут крылья, потому что не нужно, чтобы ты волновался и беспокоился в мыслях своих или в сердце.

Молчание сердца. Молчание чувств. Молчание внутреннего голоса, потому что хорошо, что ты нашел Бога, который есть молчание вечное. Когда все сказано, когда все завершено.

Молчание Бога, как сон пастуха, потому что нет сна более сладкого, несмотря на то, что может казаться, что ягненок угрожает опасность, когда нет больше ни пастуха, ни стада, потому что кто возьмется их отделить одно от другого под звездами, когда все погружено в сон, когда все спят под одной теплой шкурой?

О Господи! Да настанет день, когда убирая все наши дела в амбар, ты раскроешь его огромные ворота болтливому роду людей и расставишь их в стойле вечности, когда времена завершатся и когда Ты изымешь, как исцеляют болезнь, смысл из наших вопросов.

Потому что мне было дано постичь, что развитие человека заключается в понимании того, что все его вопросы, один за другим, не имеют смысла; потому что яправлялся у ученых, — и не в том дело, Господи, что нашли некоторые ответы на прошлогодние вопросы, а в том, что сегодня они смеются сами над собой, потому что истина им предстала как снятие вопроса.

Господи, я — знающий, что мудрость — не ответ, но исцеление от всех противоречий языка, я знаю это и за тех даже, которые любят друг друга и сидят рядом, свесив ноги на ни-

зенькой ограде апельсинового сада, плечом к плечу, прекрасно сознавая, что они не получили ответов на вчерашние вопросы. Но я знаю любовь, и знаю, что в любви уже не ставится ни одного вопроса..

Так от одного к другому, от преодоленного противоречия к преодоленному противоречию я приближаюсь к молчанию всех вопросов, к блаженству.

О болтуны! Как они исказили людей.

Безумцы, надеющиеся получить ответ от Бога. Если Бог тебя принимает, если он тебя исцеляет, Он делает это. Своей рукой, туша вопросы, как тушат лихорадку. Истинно так.

В день, когда Ты пожнешь, Господи, свое творение, раскрой перед нами настежь свои врата и дай нам дроникнуть туда, где уже не будет ответа, потому что не будет вопросов, но блаженство, которое есть замок свода всех вопросов и лик примиряющий.

И перед человеком распахнется ширь живой воды, более безбрежная, чем ширь морей, о которой он догадывался по пению родника, когда он садился, свесив ноги, на его ограду, и которая была одновременно и подобна стремительному бегу газели, дыхание которой он чувствовал сердцем.

Молчание – пристань корабля. Молчание в Боге – пристани всех кораблей.

46

И легла на мое сердце тяжесть мира, словно мне была поручена забота о нем. И в одиночестве, прислонившись к дереву и скрестив руки на груди, на вечернем ветру я получил в заложники всех, кому хотелось найти во мне свое утраченное значение. Так потеряла свое значение простая мать, у которой умер ребенок. Она стоит перед ямой, как перед прошлым, отныне бесполезным. Она была лесом лиан вокруг цветущего дерева, которое стало вдруг мертвым. Что же мне делать, говорит она себе, с моими лианами? И с моим молоком, когда я почувствую, что оно приливает к груди?

И тот, кого, словно медленный огонь, пожирает проказа, и кто отрезан от общения с людьми, и кто не знает, что ему делать со своим сердцем, которое только что начало в нем медленно просыпаться к жизни. Или тот, кого ты знаешь, и

который носит в себе обволакивающий его рак, и у которого начата тысяча работ, требующих, чтобы он был многолетен, как дерево, терпеливо распространяющее сеть своих корней; а теперь он внезапно оказался в сердце неосуществленных замыслов, как перед замуренной лверью в мир. Или тот, у которого сгорел сарай, или чеканщик, который потерял правую руку, или всякий другой, у которого потухли глаза.

И легло мне на сердце бремя всех тех, кто не умеет найти плечо, на которое он мог бы опереться. Всех отвергнутых своими и отрезанных от них. И того, кто на постели, как на ложе пыток, переворачивает с боку на бок свое тело, ставшее отныне более бесполезным, чем разбитая телега, и, может быть, призывает смерть, и смерть его отвергает. И он кричит: "Для чего, Господи! Для чего!"

Все они солдаты разбитой армии. Но я соберу их всех и поведу к победе. Потому что для всех армий существуют победы, хотя и разные. Потому что и они — лишь одно из многих проявлений жизни. Цветок, увядая, роняет семя, гнивая, пачкает росток, и из всякого разбивающегося кокона высвобождаются крылья.

О, вы — перегной и почва, и средства для величайшего восхождения к Богу!

#### 48.

Потому что вот я принесу вам великое утешение, чтобы вы знали, что не о чем сожалеть. И нечего отвергать. Так говорил мой отец:

"Ты берешь свое прошлое, как пейзаж, который здесь ограничен горой, а там рекой, и ты свободно намечаешь в нем места будущих городов, считаясь с тем, что уже есть. И если бы не существовало того, что есть, ты придумал бы города в своих мечтах, и это было бы нетрудным делом, потому что мечтам ничто не сопротивляется, но предаваться таким мечтам не только легко, но и бессмысленно, потому что они произвольны и пусты. Не жалуйся же на свою судьбу, которая сложилась так, а не иначе, потому что достоинство всякой судьбы прежде всего в том, что она есть. И то же относится к моему дворцу, и к моим врагам, и к моим стенам."

И какой же завоеватель когда-либо предавался сожалениям, овладевая покоренной страной, о том, что здесь оказалась гора, а там раскинулась река? Мне нужны канва, чтобы вышивать, правила, чтобы петь и танцевать, и верный человек, чтобы действовать."

---

Если ты сожалеешь о полученной работе, это равносильно сожалению о том, что ты не жил и не родился в другое время. Потому что все твое прошлое — лишь твое сегодняшнее проявление на свет. Так оно и есть, и говорить больше не о чем. Прими свою судьбу такой, как она есть, и не переноси горы с места на место. Они там, где они есть.

#### 49.

Только путь имеет значение. Потому что только путь длится, а не цель, которая — лишь мираж странника, выбиравшегося с одной вершины на другую, как будто достигнутая цель имеет какой-то смысл. И не может быть никакого развития без приятия того, что есть. И того, из чего ты непрестанно исходишь. И я не верю в покой. Потому что если кого-нибудь раздирают противоречия, не подобает ему стремиться к непрочному и ненадежному покоя в следом приятии одной из точек зрения. Почему ты думаешь, что келру было бы лучше избегать ветра? Ветер разрывает, но и укореняет его. Велика была бы премудрость того, кто сумел бы различать между добром и злом. Ты ищешь смысла жизни, а смысл этот прежде всего в том, чтобы ты стал самим собой, а не в том, чтобы добиться жалкого покоя, предающего забвению все противоречия. Если что-то противится в тебе и разрывает тебя, не препятствуй его росту, потому что это значит, что ты пускаешь корни и меняешь кожу. Благословенна твоя внутренняя борьба, в которой ты родишь самого себя; потому что ни одна истина не обнаруживается и не достигается путем очевидности. А те, что тебе предлагаются как очевидность, — лишь приспособления и подобны снотворным пиллюям.

.. Потому что я презираю тех, кто притупляет самих себя ради забвения, или заглушает в себе порывы сердца, стремясь к упрощению жизни ради покоя. Потому что ты должен знать,

что всякое противоречие, не находящее разрешения, всякая непримиримая борьба в тебе самом обязывает тебя вырасти, чтобы их преодолеть. Через соли земли и перегной ты узлами своих корней впитываешь в себя безликую землю и строишь из нее во славу Божию шир кедр. Только та колонна храма достигает величия, которая в течение двадцати поколений возносится к небу, стираясь и обтачиваясь от соприкосновения с ними. И сам ты, если хочешь расти, не страшись износиться в своих противоречиях, они прежде всего приведут тебя к Богу. А это единственный путь на свете. И поэтому-то ты растешь из страдания, которое приемлешь.

Но бывают деревья в городах, защищенные от песчаных бурь. Бывают люди хилые, не могущие преодолеть самих себя. Из посредственной радости они творят свое счастье, после того как они задушили лучшую часть души своей. И на всю жизнь они возвращаются на жительство в трактире. Они не доносили самих себя... И не моя забота, что становится с такими людьми и будут ли они живы. Они именуют счастьем неподвижное смакование своих накоплений. Они отвергают врагов и вне и внутри себя. И невыразимую потребность, стремление человека — голос Божий — они отказываются слышать. Они не ищут солнца, как ищут его в чащे лесной деревни, которые никогда не сделают из него ни запасов, ни накоплений, потому что каждое дерево задыхается в тени другого, но все они стремятся к солнцу и возносятся, — стройные, торжествующие и гладкие, как колонны, проросшие на земле и ставшие силой через стремление к своему Богу. Бог не приобретается, Он предлагает себя, и человек располагается в пространстве, как дерево, раскинувшее в небо листву и ветви.

---

Поэтому пренебрегай суждениями толпы. Потому что она возвращает тебя к самому себе и препятствует твоему росту. Толпа именует заблуждением противоположность истины, и упрощает твои противоречия, и отвергает, как неприемлемые, условия твоего вознесения, потому что, по ее мнению, эти условия — плод твоего заблуждения. Толпа хочет видеть тебя поглощенным своими накоплениями и паразитом, расхитителем самого себя и завершенным. Какая же нужда толкает тебя на по-

иски Бога и на сложение Псалма, и на еще более высокий подъем, чтобы под твоими ногами снова мог развернуться потешивший было цельность горный простор, или чтобы спасти солнце, которым нельзя завладеть раз и навсегда и припрятать впрок, и которое достигается лишь в непрестанном следовании за ним в его пути по небосводу?

---

И если ты спросишь: разбудить ли мне того-то или не тревожить его сна, чтобы он был счастлив? — я отвечу тебе, что мне ничего неведомо о счастье. Но если перед тобой полярное сияние, ужели ты не разбудишь своего друга? Ни один человек не должен спать, если он может увидеть полярное сияние. И, конечно же, каждый бережет свой сон и не любит, чтобы его нарушали; и все-таки вырви его из его счастья и выведи наружу, чтобы он начал становиться.

50.

Женщина грабит тебя для своего домашнего очага. И, конечно, желанна любовь; она — аромат дома, и пение фонтана, и музыка молчаливых кувшинов, и благословение в летах, когда они один за другим появляются на свет, и она — глаза, наполненные вечерней тишиной.

Но не пытайся на основании логических формул различать между доблестью воина, погибающего в пустыне, и сладостью его любви. Потому что только язык различает эти вещи; нет иной любви, кроме любви воина, завороженного безмерностью пустыни, и нет иной жертвы жизнью в засаде у колодца, кроме как смерть любовника, обладающего умением любить, потому что иначе принесенная в жертву жизнь — не жертва и не дар любви. Потому что, если воин — не человек, а автомат и машина, в чем же величие воина? Тогда я вижу в нем лишь чудовищное насекомое. И если тот, кто ласкает женщину, — лишь смиренная скотина в стойле, — в чем же величие любви?

Я не знаю ничего более величественного, чем воин, сражающий оружие и баюкающий ребенка, и супруг, ипущий на войну.

И дело здесь не в балансировании между двумя истинами,

не в переходящей ценности то одной вещи, то другой. И дело не в том, что смысл двух истин лишь в их соединении. Все дело в том, что ты, будучи воином, — любишь, и будучи любовником, — идешь на войну.

---

Но та, что завладела тобой для своих ночей, познав сладость сна с тобой, она призывает тебя, свое чудо, и говорит тебе: "Разве не сладостны мои поцелуи? Разве не полон прохлады мой дом? Разве не счастливы наши вечера?" И ты соглашаешься с ней, улыбаясь ей. "Но тогда, — говорит она, — останься со мной и будь мне опорой. Когда в тебе проснется желание, тебе достаточно будет протянуть руки, и я склонюсь под твоей тяжестью, как молодое апельсиновое деревце, отягощенное плодами. Ты же ведешь вдали суровую жизнь, отучающую от ласк. И движениям твоего сердца, как воде в засыпанном песком колодце, нет выхода, чтобы разлиться на приволье

И ты на самом деле в одинокие ночи познал горечь безответных порывов к той или другой, чей образ вставал в твоем воображении, потому что все хороши в тишине. И тебе кажется, что из-за одиночества, на которое тебя обрекла война, ты упустил чудесную встречу. А между тем любви ты учишься в дни отдыха от любви. И голубые дали ты познаешь лишь среди осыпей и скал, которые ведут к вершине, и Бог тебе открывается только, когда ты упражняешься в молитве, на которую нет ответа. Потому что истинную полноту, не ведающую оскуднения, ты обретаешь до истечения дней, когда время для тебя завершится и тебе будет позволено стать, после того, как ты закончишь становиться.

---

И ты, конечно, можешь заблуждаться и жалеть того, кто зывает среди безответной ночи, кому кажется, что время уходит для него бесполезно, утаивая от Него счастье. Ты можешь томиться этой жаждой любви без любви, забывая, что любовь по сути своей и есть эта жажда любви, и об этом известно танцовщицам и танцовщикам, которые творят поэму из сближений, тогда как им ничего бы не стоило сразу соединиться.

Я же говорю тебе, что в счет идет как раз неосуществленная возможность. И может быть величайшая нежность та, что проникает сквозь тюремные стены. И плодотворна молитва, на которую Бог не дает ответа. И кремни и терции питают любовь.

---

Итак, не смешивай жара души со смакованием запасов. Жар душевный, устремленный на приобретение для себя, - ложный жар. Вся внутренняя жизнь дерева устремляется в воды, которые ничего не дают ему взамен. Так и я со своим народом, потому что любовь моя направлена к пастухам, от которых мне нечего ждать взамен.

Поэтому не замыкайся в женщине. В поисках того, что тобой уже найдено. Ты можешь лишь время от времени возвращаться к Ней, как тот, кто, обитая на горе, спускается иногда к морю.

## 51.

Неправ тот, кто говорит о своем крошечном домике: "Я построю его, чтобы принимать в нем всех своих истинных друзей".

Что же думает о людях этот урод? Если бы мне вадумалось соорудить дом для своих друзей, никакого, самого большого дома не хватило бы, потому что я не знаю на свете человека, который хотя бы малой частью своей души не был бы мне другом, как бы ни была ничтожна, как бы незаметна не была эта часть; даже тот, кому бы я приказал отрубить голову, окзался бы мне другом, если бы мы умели разбираться в людях. Даже тот, кто с виду ненавидит меня и сам снес бы мне голову, будь это в его власти. И не думай, что я имею в виду дешевую сентиментальность, или терпимость, или изрекаю банальные заповеди и проповедую банальную приязнь, - нет, я остаюсь по-прежнему суров, непреклонен и молчалив. Но как же многочисленны мои рассеянные повсюду друзья, и как бы они переполнили мой дом, если бы могли преодолевать расстояния.

А тот, со своим крошечным домиком, - кого же он именует?

ет своим истинным другом? Уж не того ли, кому он может доверить деньги, не боясь, что они будут украдены, — но тогда дружба всего лишь мелочная честность; или того, к кому он мог бы обратиться с просьбой о помощи и эта помощь была бы ему оказана, — но тогда дружба — всего лишь извлекаемая из человека польза; или того, кто в случае надобности встал бы на его защиту, — но тогда дружба есть лишь исполнение долга. Я же ненавижу арифметику и называю другом существо, которое я разглядел в человеке и которое, может быть, спит, как драгоценный металл в руде; но которое при виде меня освобождается из породы, узнав меня и улыбаясь мне, даже если впоследствии этот человек будет вынужден предать меня.

---

Тот же другой, видишь ли, называет истинными друзьями тех, кто согласится выпить за него цикуту, — но разве можно предъявлять такое требование ко всем?

Тот, кто считал себя добрым, не понимал дружбы. Отец же мой, бывши жесток, имел друзей и умел их любить, но при этом ему неведомо было разочарование, ибо разочарование есть обманутая жадность. Разочарование — это низость, потому что разве исчезло то, что ты вначале полюбил в человеке, если оказалось, что в нем содержится еще и нечто другое, чего ты не любишь? Ты же хочешь того, кого полюбил, или того, кто полюбил тебя, тотчас превратить в раба, а если он не идет к тебе в рабство, ты разочаровываешься в нем.

И вот любовь, приносимая в дар, превращается в обязательство. Дар любви становится обязательством выпить цикуту и рабством. Друг же не жаждет цикуты. И вот другой в нем разочаровывается. И это подло. Потому что таково разочарование в рабе, не сумевшем угодить.

## 52.

Но поговорю с тобой о душевном рвении. Потому что тебе придется вынести немало упреков. Ибо человеку свойственно считать, что раз ты одаряешь в одном месте, значит, ты крашешь в другом. Такими нас создало наше забвение Бога и привычка иметь дело с товарами. На самом же деле то, что ты

отдаешь, не только не уменьшает твоего богатства, а, наоборот, увеличивает его и твою возможность давать. Так тот, кто любит людей через Бога, бесконечно больше любит каждого из людей, чем тот, который любит одного-единственного человека и предоставляет своему избраннику скучное пастбище собственной личности. И тот, кто проходит где-то великие испытания, дает своей любимой, неведомо для нее самой, много больше, потому что он отдает себя истинного по сравнению с тем, кто ласкает ее денно и нощно, но сам - ничтожество.

---

Не заботься об экономии. Потому что когда дело идет о движении души, нет таких товаров, которые стоило бы беречь. Потому что давать - значит перебрасывать мостик над бездной своего одиночества.

---

И когда ты даешь, не заботься о том, чтобы тебе было известно, кому ты даешь. Потому что к тебе придут и скажут: такой-то недостоин твоего дара! Как будто дело идет о каком-нибудь товаре, которым ты распорядился. Тот самый человек, который ничем не сможет ответить тебе на твои дары, все-таки послужит тебе, принимая их, потому что через него ты служишь Богу. Это очень хорошо известно тем, кто, не испытывая унизительной жалости к язвам холопов, с легкостью пойдут на смертельный риск и почтут своим долгом совершение без отдыха стодневный переход по горам с единственной целью вылечить холопов от язв. И только тот проявит низость души и уподобится холопу, кто будет рассчитывать на какой бы то ни было знак благодарности, потому что у этого холопа не достанет тела, чтобы расплатиться им за один твой взгляд, ты же через него принес дар Богу и поэтому поклонись перед холопом, если он соблаговолит принять твой дар..

55.

Не смешивай любви со страстью обладания, которая несет злейшие страдания. Потому что вразрез с общепринятым мнением любовь не причиняет страданий. Страдать заставляет ин-

стинкт собственности, а он противоположен любви. Потому что если я люблю Бога, я пущусь в путь пешком, хромая и спотыкаясь, чтобы только скорее возвестить о нем другим людям. И я не обращаю моего Бога в рабство. И я ссыт тем, что он подает другим. И я умею узнавать тех, кто по-настоящему любит, по тому, что их нельзя оскорбить. Того, кто умирает за царство, царство оскорбить или опорочить не может. Можно говорить о неблагодарности человека, но кто будет говорить о неблагодарности царства? Царство возведено на твоих действиях, какой же скверной арифметикой ты одержим, если жаждешь признания своего участия? Кто отдал жизнь свою храму и обменял ее на храм, тот истинно любил, но каким образом мог бы он счесть себя униженным храмом? Истинная любовь начинается там, где она ничего не ждет в ответ. И если научить человека любви к человеку помогает молитва, то только потому, что на молитву нет ответа.

---

Ваша же любовь зиждется на ненависти, потому что вы выбираете женщину или мужчину и делаете из них свое достояние, и в вас рождается ненависть, как в псах, которые готовы наброситься на всякого, кто приблизится к их кормушке. И вы именуете любовью этот эгоизм насыщения. Стоит любви только прикоснуться к вам, как вы превращаете этот свободный дар, — так же, как и вашу ложную дружбу, — в прислужничество и рабство, и с первой же минуты, как вас полюбили, вы начинаете чувствовать себя ущемленными. И чтобы лучше подчинить себе того, кто вас полюбил, вы выставляете перед ним напоказ свои страдания. И вы действительно страдаете. Но это-то страдание мне и претит. И почему вы хотите, чтобы я им восторгался?

---

О, конечно, и я был молод. И без устали мерил шагами кровлю под колючими звездами. Из-за того, что от меня сбежала рабыня, в которой я полагал свое счастье. Я поднял бы на ноги армии, чтоб снова пленить ее. и чтоб завладеть ею, я положил бы к ее ногам царства. Но Бог мне свидетель — я

никогда не заблуждался относительно смысла вещей и никогда не именовал любовью эту погоню за добычей, даже когда я рисковал ради нее жизнью.

---

.. Я узнаю настоящую дружбу по тому, что она не ведает предательства, и я узнаю истинную любовь по тому, что она не может быть оскорблена.

---

Если к тебе придут и скажут: отвергни такую-то, потому что она тебя унижает, — выслушай их со снисхождением, но не изменяй своего поведения, потому что кто же имеет власть унизить тебя?

И если скажут: отвергни ее, потому что все твои старания бесплодны... — выслушай их со снисхождением, но не изменяй своего поведения, потому что твой выбор сделан. И если у тебя можно украсть то, что ты получаешь, то кто же властен украсть у тебя то, что ты даешь?

.. И если тебе скажут: тому-то ты должен, а тому-то ты не должен ничего; этот благодарен тебе, а тот издевается над твоими дарами, — заткни уши и не внимай их арифметике.

---

И всем отвечай: любить меня — значит, прежде всего, участвовать в том, что я делаю.

---

Таков храм, в который входит лишь один друг, но ему нет числа.

56.

.. И в этом заключена все та же тайна, которую тебе предлагаю. Все твое прошлое целиком есть лишь твое рождение, так же как и все бывшие до сего дня события царства. И если ты сожалеешь о чем-либо, ты так же неразумен, как и тот, кто сожалел бы о том, что не родился в иную эпоху, или что он мал, а не велик ростом, или что он не живет в другой

стране, — и кто питал бы этими бессмысленными бреднями свое постоянное отчаяние. Безумец, ломающий зубы о гранитную скалу, — подобную прошлому, которое завершено. Прими этот день, как он тебе дан, вместо того, чтобы постоянно возвращаться к непоправимому. Непоправимое не имеет никакого значения, потому что оно лишь знак всего, что прошло. А так как нет цели, которой можно было бы достигнуть, ни завершенного круга, ни законченной эпохи, кроме как для историков, придумавших эти разделения, то как же ты узнаешь, что следует сожалеть о поступке, который не достиг еще своего завершения и не завершится никогда, — потому что смысл вещей не пребывает в однажды накопленном добре, которым питаются оседлые собственники, но в жаре преображения, пути или устремления. И того, кто, покоренный, под пятой победителя найдет в себе силы для преображения, я считаю достигшим большей добеды, чем того, кто смакует свою вчерашнюю победу, как оседлый собственник, питающийся на-коплениями и поэтому приближающийся к смерти.

Но тогда, спросишь ты, к чему же мне стремиться? Раз никакая цель не имеет смысла. Я открою тебе великую тайну, которая заключается в словах простых и грубых и которой за долгие годы научила меня мудрость: знай, что готовить будущее — значит утверждать настоящее. Бессмысленно растратить силы на утопии и сны, стремясь к далеким воображаемым идеалам. Потому что единственная истинная задача воображения состоит в том, чтобы понять настоящее, в его не связанных между собою аспектах и научиться его противоречивому языку. Если же ты увлечешься вздорными и пустыми мечтами о будущем, ты уподобишься тому, кто мнит себя способным создать и построить храм одним росчерком пера. Потому что, как же ему встретиться со своим врагом, а без столкновения с врагом, кто же даст ему крепость и основу? Обо что он отточит свою колонну? Потому что колонна создается поколениями, оттачиваясь о жизнь. Пусть это лишь форма, но ты не избрал ее, а она сама родилась из своего назначения и применения. И только так рождаются великие творения и великие царства.

Только настоящим ты можешь распорядиться. Какой смысл спорить о будущем наследстве? Будущее тебе надо не предвидеть, а уготовлять путь ему.

И работы будет у тебя достаточно, раз материалом будет служить тебе настоящее. Моих овец, и коз, и ячменные поля, и горы, которые мне сейчас принадлежат, я называю своими владениями или царством, и я делаю из них нечто, чего не было до этого, и это нечто едино и неразделимо, и тот, кто захочет охватить его рассудком, только разрушит то, но не познает его; и вот я строю настоящее так же, как взбираюсь усилием моих мускулов на вершину горы, и перед моим взором развертывается картина, где в голубой дали лепятся города, как яйца в гнезде, окруженные полями и лесами; и этот образ города не более истинен или ложен, чем город в образе храма или корабля, но он лишь иной. И в моей власти обрести широту и спокойствие духа через познание судеб людей.

Знай, что всякое истинное созидание есть не предвосхищение будущего, не стремление к утопиям и химерам, но прочтение нового лица настоящего, которое и есть полученное тобою в наследство беспорядочное скопище драгоценностей, по поводу которых тебе не подобает ни радоваться, ни плакать, потому что они появились на свет так же просто, как и ты сам.

Поэтому дай будущему, как дереву, развернуть одну за другой свои ветви. И от настоящего к настоящему дерево вырастет и, завершившись, примет смерть. Не заботясь о моем царстве. С тех пор, как люди распознали в бессвязном скоплении вещей Его лик, с тех пор как я завершил свой труд ваятеля в камне, величием творения своего я предначертал их судьбы. И отныне они пойдут от победы к победе, и моим певцам будет что воспевать, потому что вместо того, чтобы славословить мертвых богов, они будут прославлять жизнь.

Погляди на мои сады и на садовников, встающих с рассветом, чтобы сотворить весну, которые не спорят о венчике или пестике, а просто сеют семена.

Итак, всем вам, отчаявшимся, несчастным и побежденным, я говорю: вы — армия победы!! Потому что вы только с этой

минуты начинаете становиться — разве не прекрасно быть таким молодым? ..

Но не подумай все же, что создавать настоящее просто... Потому что ты встречаешь сопротивление самого вещества, из которого должен строить, тогда как в своих выдумках по поводу будущего ты не наталкиваешься ни на какое сопротивление. И тому, кто ложится на песок подле высохшего колодца и чья кровь начинает испаряться на солнце, снится, что он идет к колодцу. И как легко даются ему огромные шаги, которыми он приближается к своему освобождению. Как легко пить во сне, когда твои ноги, как взыянные рабы, приносят тебе воду, и в них не впиваются колючки.

Но зато и это будущее, не встречающее враждебного сопротивления, не наступает, а ты охвачен агонией, и песок скрипит на твоих зубах, и пальмовая роща, и тяжелые волны реки, и песни женщин, полощущих белье, медленно растворяются в смерти.

Тот же, кто идет не во сне, а наяву, стирает ступни о камни и расчищает себе проход сквозь колючки, и в кровь, раздирает пальцы, карабкаясь по осыпям. Потому что перед ним — все ступени лестницы, которые он должен преодолеть однуша за другой. И воду он медленно добывает всем своим телом, всеми мускулами и водяными мозолями на ладонях, и ранами на ногах. Перемалывая противоречия жизни, он высекает в своей пустыне воду из камня силой своих кулаков, как пекарь, который месит тесто и чувствует, как оно под его руками постепенно начинает плотнеть, как в нем образуются силы сопротивления, как завязываются узлы, которые он разминает; и вот он начинает создавать хлеб. Точно также и поэт, и скульптор, которые начали работать над стихом или в камне, со всей свободой, в которой они чувствовали себя растворившимися и потерянными, потому что скульптор был свободен заставить лица улыбаться или плакать, склониться налево или направо, и эта свобода не давала ему возможности стать. Но приходит час, когда ты не скажешь того, что тебе хотелось сказать из-за другого слова, которое ты тоже хотел произнести, и оказалось, что обе мысли сопротивляются одна другой. И ты начинаешь черкать свою рукопись или мять глину, чтобы

добиться улыбки, которая перестает даваться тебе. Ты уже не выбираешь произвольно то или другое выражение во имя логики слов, но ты ищешь замок свода своих противоречащих одна другой истин, потому что ничто не должно быть утрачено, и ты угадываешь, что твоя поэма складывается, и из камня выступает лицо, потому что тебя начинают окружать твои любимые враги.

Поэтому не слушай никогда тех, кто из желания угодить, советует тебе отказаться от одного из твоих устремлений. Тебе лучше всех известно твое призвание по тому бремени, которое ты несешь в себе. И если ты изменишь своему призванию, ты изменишь самого себя; но знай, что твоя истина будет медленно созревать, — потому что она есть рождение дерева, а не находка формулы; а рождение дерева требует прежде всего времени, потому что все дело в том, чтобы ты стал другим и совершил подъем на крутую вершину. Потому что, то новое существо, которое есть единство, рожденное разрозненными и противоречивыми вещами, дается тебе не как решение ребуса, но ты приходишь к нему через примирение противоречий и исцеление ран. И власть этого существа ты познаешь лишь тогда, когда оно родится. Вот почему я всегда чтил, и прежде всего ради самого человека, молчание и медлительность, как богов, преданных слишком глубокому забвению.

## 58.

Друг — это прежде всего тот, кто не судит. Я уже сказал тебе, — это тот, кто раскроет двери своего дома путнику, и его костылю, и его палке, поставленной в уголок, и не предложит ему танцевать, чтобы судить о том, как хорошо он танцует. И если путник станет ему рассказывать о весне на дорогах Земли, друг тебе тот, кто примет в дем весну. И если он будет рассказывать об ужасах недорода в том краю, откуда он пришел, переживи с ним недород и голод. Потому что я сказал тебе, — друг в человеке — это та часть его, которая предназначена тебе, и это та дверь, которая, может быть, не открывается никому другому. И друг твой истиинен, и все, что он говорит, — правда, и он любит тебя, даже если он ненавидит тебя в другом доме. И друг в храме для меня

тот, кто обращает ко мне такое же лицо, что и мое собственное, освещенное одним и тем же Богом, потому что здесь наше единство осуществлено, даже если в другом месте он = лавочник, а я = офицер, или если он садовник, а я моряк на корабле. Поверх всего, что нас разделяет, я нашел его, и я ему друг. И я могу молчать в его присутствии, то есть не беспокоиться за сады души моей, и мои горы, и пропасти, и пустыни, потому что он не будет их топтать своими сапогами. Ты друг мой, и ты предлагаешь то, что получаешь от меня с любовью, подобно посланцу моего внутреннего царства.

И ты хорошо с ним обращаешься, и ты предлагаешь ему присесть, и ты выслушиваешь его.

И вот мы счастливы вместе. Но видел ли ты, чтобы я, когда ко мне приезжали послы, держал их в отдалении или отказывался говорить с ними, потому что в ~~своем~~ их царстве, на расстоянии тысячи дней пути от моего царства, и они едят кушанья, которые не нравятся мне, или потому, что их нравы мне не по душе. Дружба = это прежде всего отдых и великий обмен духа над вульгарными мелочами. И я ни в чем не укоряю того, кто восседает за моим столом.

.. Потому что знай, что гостеприимство, и приветливость, и дружелюбие = это встреча человека с человеком. Что мне делать в доме друга, который не принял бы костилей своих гостей и заставлял бы их танцевать, чтобы судить об их грации?

С тобя хватит судей на свете. И если тебе нужно, чтобы тебя переделывали и оттачивали, = предоставь этот труд врагам, они хорошо с этим справлятся, как буря, которая обтачивает кедр. Твой друг создан, чтобы тебя принимать. Знай, что Бог, когда ты приходишь в Его храм, тебя не судит, а принимает.

65.

Я творю порядок, = говорил мой отец, = но не на принципе простоты и экономии. Потому что дело не в том, чтобы выиграть время. И какое мне дело до того, что люди станут жирнее оттого, что построят житницы вместо храмов, и акведуки вместо музыкальных инструментов, потому что я презираю всяческий гуманизм, сквердный и кичливый, даже если он и

ведет к процветанию, — мне прежде всего важно знать, о каком человеке идет речь... И интересует меня тот, кто, не считая потерянного времени, умел надолго погрузиться в молчание храма, или в созерцание необъятности Млечного пути, или кто исполнил сердце любовью, которой учит молитва, не получающая ответа /потому что всякий ответ в отплату за молитву сделал бы человека еще более сквердным/, или же тот, кто любит стихи.

Потому что время, сэкономленное мной на постройке храма, который есть корабль, направляющийся в плавание, или благозвучие стиха, на которое откликается людское сердце, я лучше употреблю на то, чтобы облагородить человеческий род, а не для того, чтобы люди прибавляли в весе.

Так, я знаю, что погребение есть пустая трата времени, потому что люди роют могилы, чтобы опустить в них остатки умерших, а можно было бы употребить это время на пахоту или жатву; но я все-таки запретил бы сжигание трупов на кострах, потому что мне нет дела до выигранного времени, если я вижу утрату любви к мертвым. Поэтому что я не знаю более прекрасного образа, которому подобает служить, чем кладбище, по которому не торопясь проходят близкие, ища среди могил плиту своих родных, отошедших, как семя, в землю и снова ставших естеством. Они знают, что от их близкого все-таки что-то осталось, какая-то реликвия в груде костей, форма руки, которая ласкала, черепная коробка — хранилище сокровищ, отныне пустое, но бывшее когда-то наполненным столькими чудесами. И я приказал строить, где только можно и даже если это не приносит никакой выгоды и потребует затрат, дома для каждого умершего, чтобы близкие могли поборствовать там в кануны праздников и чтобы они поняли не разумом только, но каждым уголком души и каждой клеткой тела, что мертвые и живые нераздельно соединены друг с другом и составляют вместе единое дерево, которое растет потому, что они любили читать одни и те же стихи, любовались тем же кормовым изгибом корабля, потому что одна и та же колонна проходила перед глазами поколений, становясь от этого прекраснее и гляже; потому что человек, конечно, смертен, если мы будем смотреть на него в фас, как близорукие, привыкшие все разглядывать вблизи, а не со стороны его тени, которую он от-

брасывает, и не по отсвету, который он оставляет после себя. И если я буду экономить время, затрачиваемое на погребение трупов и на постройку домов, и если я захочу это скономленное время употребить на выделку цепи, которая связала бы между собой поколения, чтобы творения, через эту связывающую поколения цепь, как дерево, поднималось прямо к солнцу, если я распоряжусь о таком вознесении, более достойном человека, чем увеличение окружности его живота, — тогда выигранное мною и имеющееся в моем распоряжении время я употреблю, хорошо взвесив его ценность, на погребение мертвых.

Порядок, который я учреждаю, — есть строй жизни. Поэтому что я говорю: дерево в порядке, несмотря на то, что оно есть сразу и корни, и ствол, и листья, и плоды, и я говорю, что человек в порядке, несмотря на то, что у него есть ум и сердце, и что он не ограничен в своих функциях обработкой земли и продолжением рода, но он сразу и тот, кто пашет, и тот, кто молится, и тот, кто любит и борется с любовью, и тот, кто работает, и отдыхает, и слушает вечные песни.

Но иные признали, что истинный порядок присущ процветающему царству. А тупые историки, логики и критики заставили людей поверить, что слава их порождена порядком царства, — в то время как я говорю, что порядок, как слава и процветание, — лишь плод живой внутренней жизни. Чтобы создать порядок, я создаю лицо, которое можно любить. Оди же предлагают порядок как самоцель. И такой порядок, когда его обсуждают и совершенствуют, становится прежде всего экономией и упрощением. И тебя избавляют от всего, что не поддается выражению; но все, действительно имеющее значение, невыразимо, и мне еще ни разу не приходилось встречать ученого, который бы смог попросту объяснить, почему я так люблю ветер под звездами в пустыне. Люди приходят к согласию по поводу повседневного, потому что нетруден язык, выражający повседневность. И можно утверждать, не боясь изобличений во лжи, что я больше сделаю для людей, если дам им питье, испив которого, им покажется бессмертным счастьем идти ночью под звездами в пустыне.

Порядок есть строй жизни, а не причина ее. Точно так же, как план поэмы есть знак ее законченности и печать ее совершенства. Ты работаешь не ради плана, но он создается в результате твоих трудов. Иные же говорят своим ученикам: досмотрите, какой гармонией проникнуто это великое произведение, добивайтесь сначала такой же гармонии, и ваше творение будет велико. Но тогда творение станет безжизненным скелетом и музейной пылью.

Я творю любовь к царству, и вот все приходит в соподчинение и рождается иерархия от арендатора, пастухов и жнецов и до отца, взгдевающего их. Так соподчинены камни в храме, когда ты предлагаешь им служить во славу Божию. И тогда гармония рождается из созидающей страсти строителя.

Так не спотыкайся же о слова; если ты созидаешь жизнь, ты творишь порядок; если же ты хочешь учредить порядок — ты творишь смерть. Порядок ради порядка — карикатура на жизнь.

72.

Мой отец говорил:

— Надо созидать. И если ты обладаешь даром созидания, не заботься об организации, потому что появляется сто тысяч служителей, которые будут обслуживать твое творение, на которое они слетятся, как мухи на мед. Если ты создаешь религию, не заботься о догме — народится сотня тысяч комментаторов, которые возьмут на себя труд построения догмы. Созидать — значит творить живое существо, и всякое творение невыразимо. И если гуляя вечером по городской окраине, я вижу спускающиеся к морю свалки, — не мое дело изобретать свалочные ямы, поля орошения и асептизационные службы. Я приношу любовь с порога моего светлого дома, и вокруг этой любви рождаются метельщики, стражники и мусорщики. И не придумывай такой вселенной, где бы труд, магией твоего повеления, не притуплял, а возвеличивал человека, и где культура рождалась бы трудом, а не досугом. Ты не пойдешь против силы тяжести вещей. А этот акт осуществляется посредством поэмы, или трудом ваятеля, или благодаря песнопению. И если ты в состоянии достаточно громко воспевать благород-

ный труд, наделяющий смыслом существование, и если твой го-  
лос может заглушить воспевание досуга, который делает из  
труда повинность и разделяет жизнь человека на рабский труд  
и пустое безделье, — не заботься о причинах, и о логике, и  
об издании особых приказов. Они появятся — твои комментато-  
ры, чтоб объяснить, почему так прекрасно твое лицо и почве-  
му так, а не иначе, построены твои черты. И они углубятся  
в эти задачи и найдут достаточно аргументов, чтобы доказать  
тебе, что лицо твое единственное. И благодаря этому твои  
поступки найдут свое завершение, и твоя истина воплотится.

.. Потому что значение имеют только уклон и направление,  
и движение в направлении. Ибо только они определяют силу  
прилива, которая мало-помалу, без вмешательства логиков,  
разрушает дамбы и расширяет границы морских владений. Го-  
ворю тебе: всякий образ, несущий в себе силу, воплощается.  
Оставь в стороне расчеты, тексты законов и изобретения. Не  
придумывай никакого города будущего, потому что город, ко-  
торый рождается, все равно не будет похожим на твое изобрете-  
ние. Забочься прежде всего о любви, воплощенной в башнях,  
высящихся над песками. И рабы рабов твоих строителей суме-  
ют изобрести способ доставки камней. Как обмануть бдитель-  
ность водоема, если вода сама изобретает пути своего проса-  
чивания, потому что ее тянет вниз.

Вот почему, — объяснял отец, — созидание остается не-  
видимым, как любовь, которая воздвигает владение из разно-  
образия вещей. Бесплодно бить или доказывать. Потому что  
ты в ошеломлении и отворачиваешься от того, кто поразил те-  
бя, и выставляешь против него свои иглы, и всякому доказа-  
тельству ты противопоставляешь еще более убедительное. Но  
как ты докажешь бытие владения? Если ты коснешься его, что-  
бы о нем рассказать, оно тотчас же превратится в скопище  
бессвязных вещей. Если для того, чтобы объяснить прокладный  
сумрак и молчание храма, ты прикоснешься к нему и разберешь  
его по камням, твой труд будет бесплоден, потому что как  
только ты коснулся храма, ты нарушил молчание и превратил  
его в груду камней.

Но я возьму тебя за руку и мы пойдем с тобою вместе.  
И мы заберемся на встретившийся на нашем пути холм. И я там

расскажу тебе о некоторых вещах, и тебе будет казаться, что ты сам именно о них думал. Потому что оказывается, что избранный мною холм творит именно такой порядок вещей, а не иной. Мы не замечаем великого образа как такового. Он просто существует для нас. Или, точнее, мы находимся в нем. Так в состоянии ли ты противиться ему? Если я поселил тебя в доме, ты подросту станешь жить в нем, и в своих суждениях о вещах ты будешь исходить из своего жилища. Если я заставлю тебя смотреть под углом зрения, который делает женщину более красивой и возбуждает любовь к ней, — ты полюбишь ее. Как же отказаться тебе от этой любви, якобы из-за произвола, удерживавшего тебя в эту минуту здесь, а не там? Ведь надо же, чтобы ты был где-то. И мое созидание есть лишь выбор дня и часа, которые не подлежат обсуждению и которые попросту существуют. И ты можешь посмеяться над таким своею воли. Но слышал ли ты когда, чтоб человек, охваченный любовью, спасался бы от этой любви, говоря, что его встреча с любимой была случайностью и что женщина, которая покорила его сердце и теснит его, могла бы умереть, или не родиться, или находиться где-либо в другом месте? Я сотворил твою любовь, выбрав место и время для нее, — и подозреваешь ли ты или нет о моем вмешательстве, — это не поможет тебе в твоем сопротивлении, и вот ты пленник в моих руках.

Если я хочу сделать из тебя горда, который вооходил бы по ночам к звездным вершинам, — я создам образ, который со всей очевидностью убедит тебя в том, что твоюажды утолит только звездный напиток вершин. А я буду для тебя лишь случайностью, из-за которой родилась в тебе эта потребность, потому что потребность эта также рождена тобой, как волнение, вызванное стихотворением. И заподозришь ты или нет мое вмешательство, почему станет оно тебе помехой в пути? Почему, открыв двери и заметив во мраке, как переливается алмаз, твое желание завладеть им будет меньше только потому, что ты увидел его благодаря случайно открывшейся двери, которая могла бы привести тебя в другое место?

Если я уложу тебя в постель и дам тебе снотворного, то это снадобье — реально, и твой сон реален. Созидать —

= значит заставлять другого видеть мир таким, как ты хочешь, а не предлагать ему новый мир.

Если я выдумываю для тебя новый мир и для того, чтобы показать его тебе, не сдвину тебя с места, ты не увидишь его. И ты будешь прав. Потому что с твоего теперешнего места он нереален, и ты прав, защищая свою истину. Поэтому я не достигну ничего, если даже буду красноречив, блестящ и парадоксален, потому что красноречиво, блестяще и пародоксально лишь то, что мы видим таким лишь с определенной точки зрения, то, что предназначалось совсем для другой точки зрения. Ты восхищаешься мной, но я ничего не созидаю, — я жонглер, и фигляр, и бездарный поэт.

Но если своим поступком, который не истинен и не ложен /нет поступков, которые ты мог бы отрицать, раз они совершены/, я поставлю тебя в такое положение, откуда истина представится тебе в новом свете, ты не заметишь меня и не признаешь меня ее творцом, и я покажусь тебе ни красноречивым, ни блестящим, ни пародоксальным, потому что все мои шаги были просты сами по себе и были совершены в прямой последовательности, и я = не подлежащая критике причина того, что с этого места тебе открылся простор, ширящий твое сердце, или женщина оказалась более красивой, раз истина то, что с этого места ты видишь ее более волнующей, как и простор более широким. Мой созидающий жест превыше всего этого и не вписывается ни в следы, ни в отсветы, ни в знаки, и так как ты не находишь их, ты и не можешь сопротивляться мне. И только тогда я = истинный созидатель и истинный поэт. Потому что созидатель или поэт не тот, кто придумывает и доказывает, а тот, кто становится.

Но эти в толпе преклонялись передо мной, и я чувствовал себя в пустыне, потому что я не умел чтить тех, кто погрязает в заблуждении, и не могу принимать их фимиам, потому что не умею судить себя на основе суждений других людей обо мне, и я устал от самого себя, и я в тягость самому себе, и чтобы прийти к Богу, я должен снять с себя этот груз. И вот те, что кадили мне, делали сердце мое печальным и одиноким, как пустой колодец, над которым склоняются жаждущие. У меня не было ничего, что стоило бы отдать, а от тех, кто

простирался передо мной, мне нечего было получить.

Потому что мне прежде всего нужно окно, открытое на море, а не зеркало, которое мне наскучило.

И из всей этой толпы только мертвые, которые больше уже не сутились из пустого тщеславия, казались мне достойными.

И тогда, устав от приветствий, которые наскучили мне, как бессмысленный шум, и ничему не могли научить, я увидел себя.

---

83.

Овладела мною неимоверная усталость. И мне показалось проще сказать себе, что я покинут Богом. Потому что я утратил свой замок свода, и ничто во мне больше не звучало. И умолк голос, говорящий среди молчания. И поднявшись на самую высокую башню, я думал: "Зачем эти владения?" И потому что из заснувшего города ко мне поднималась жалоба, я спрашивал себя: "О чём эта жалоба?" Я потерялся, как чужеземец среди разношерстной толпы, которая не понимает его языка. Я был как одежда, сброшенная человеком. Опустошенный и одинокий, я был подобен необитаемому дому. И мне действительно недоставало замка свода, потому что я ни на что не был годен. А вместе с тем я оставался тем же, думал я — мне ведомы все те же вещи, и я храню все те же восприятия, но я был погружен в бесполезную и бессвязную толчёю. Так храм, самый совершенный по архитектуре, оказывается лишь грудой камней, если нет никого, кто охватил бы его в полном целом, если нет никого, кто проникся бы его молчанием, кто воспользовался бы его образом в глубокой внутренней сосредоточенности своих мыслей. Так случилось и со мной, и со всей моей мудростью, и всеми моими впечатлениями, и моими воспоминаниями. Я был кучей беспорядочно разбросанных колосьев, а не связанным снопом. И я познал уныние, которое прежде всего охватывает человека, утратившего Бога.

Я не был измучен, — это значило бы еще быть человеком, я был извержен. Я легко мог бы ожесточиться в этом унынии, — в моем саду, который я мерял бесцельными шагами, подобно человеку, который нетерпеливо ждет кого-то. И который упорно

кружит в мире, не подчиненном вечному смыслу. Я возносил к Богу бесчисленные молитвы, но это были не молитвы, потому что они исходили не от человека, а от видимости человека, от свечи, но без пламени. О, если бы мне вернуть мой душевный жар, говорил я. Потому что я знал, что душевный пламень есть плод божественного уала, связывающего вещи. И тогда человек становится управляемым кораблем. Тогда он — прочтенный образ храма. Но что такое человек, как не скопище бессвязных материалов, если ты не можешь прочитать сквозь него лик сотворившего его зодчего или ваятеля?

И тогда-то я понял, что тот, кому открывается улыбка статуи, и красота пейзажа, или молчание храма, — обретает Бога. Потому что он проникает через вещь к замку, и через слова — к псалму, и через ночь и звезды — к вечности. Поэтому что Бог — прежде всего смысл твоего языка, и твой язык открывает тебе Бога, если он приобретает смысл. Слезы ребенка, если они тебя волнуют, — суть для тебя окно, распахнутое на открытое море. Потому что тогда тебе слышны не только эти единственные слезы, но слезы всех детей на свете. А этот ребенок только берет тебя за руку, чтобы научить тебя понимать всех детей на свете.

— Господи, зачем принуждаешь Ты меня пройти через эту пустыню? Меня истерзали тернии и колючки. Достаточно одного Твоего знака, чтобы пустыня преобразилась и чтобы спящий шлющих песок, и бескрайние горизонты, и великий ветер превратились бы из разнуданных стихий в огромное царство, перед которым я склонился бы в молитве и сумел бы в нем узреть Тебя, Господи.

И понял я, что и тогда, когда Бог удаляется, Он со всей очевидностью явлен в Своем отсутствии. Потому что для моряка Он — смысл моря. А для супруга — смысл любви. Но бывают часы, когда моряк спрашивает себя: "Зачем море?" и супруг: "Зачем любовь?" И их засасывает уныние. И недостает им всего лишь божественного уала, связывающего вещи. И вот они обездолены и нет у них ничего. . .

Если Бог отречется от моего народа, — подумал я, — как Он отошел от меня, я смогу сделать из своих людей только муравьев в муравейнике, потому что души их опустошатся. Ко-

гда игральные кости утрачивают смысл, никакая игра уже невозможна.

И я понял, что интеллект тебе ни к чему не послужит. Ты, конечно, можешь рассуждать о расположении камней в храме, — тебе не откроется существо, не содержащееся в камнях. И ты можешь рассуждать о носе, об ухе, о губах статуи, но ты не схватишь существо, которое не заключено в глине. Поэтому что все дело в том, чтобы схватить Бога. А уловить Бога можно только в силок, но силок всегда иной природы, чем добыча.

---

Когда я, скульптор, создал лицо, я создал принуждение. Всякая ставшая скульптура есть принуждение. Когда я что-то схватил, я скжав кулак, чтобы удержать добычу. Не говори мне о свободе слов в стихе. Я подчинил их одно другому в соответствии с моим строем.

Может случиться, что храм мой разрушат, чтобы воспользоваться камнями для возведения другого храма. Бывают смерти и бывают рождения. Но не говори мне о свободе камней. Потому что иначе нет храма.

Я не понимал, как можно различать принуждение и свободу. Ведь чем больше я прокладываю дорог, тем больше твоя свобода выбора пойти по той или иной дороге. И вместе с тем каждая дорога есть принуждение, потому что я возвел по ее краям ограду. Но что же ты называешь свободой, если нет дорог, между которыми ты мог бы выбирать? Может, ты называешь свободой право блуждать в пустоте? Ведь как только ты приемлемешь принуждение пути, свобода твоя возрастает.

Не имея инструмента, ты не свободен создать мелодию; без принуждения, налагаемого носом и ухом, ты не свободен в улыбке статуи. И самый утонченный эстет — порождение утонченнейшей культуры, — чувствует себя только обогащенным канонами, правилами и ограничениями, выработанными этой культурой. И богатство внутренней жизни — во дворе моем, а не среди разлагающегося сброва.

Так разница заключается прежде всего в обязательствах, как в обряде приветствования короля. Соблюдение всех ступен-

ней иерархии и внутреннее обогащение требуют прежде всего принуждения. И обряды, которым ты подчиняешься, служат твоему росту. И мальчик, грустно наблюдающий игру других детей, просит прежде всего о том, чтобы и его подчинили правилам игры, благодаря которым он смог бы войти в игру. И печальна участь того, кто слышит звон колокола, который ничего от него не требует. Когда ты слышишь горн, тебе становится грустно, потому что тебе не нужно вскакивать по этому сигналу, но ты видишь, как счастлив тот, кто говорит: "Я слышу горн, он призывает меня, я готов". Для иных же не существует ни звона колокола, ни пенья горна, и они печально остаются на месте. Для них свобода сводится к свободе не быть.

#### 84.

Те, кто смешивают слова разных языков ошибаются, конечно, потому что в том или ином языке естественно может недоставать какого-нибудь эпитета для обозначения, скажем, цвета зеленеющего ячменя, и такой эпитет я, может быть, нашел бы в языке моего соседа. Но ведь слова только знаки. Так я могу попытаться рассказать о своей любви, утверждая, что любимая женщина прекрасна. Но таким способом я не передам живого дыхания жизни. Это лишь рассуждения о мертвом предмете.

Есть, конечно, народы, в языке которых существуют слова, которые выражают качественные соотношения одних и тех же материалов. Так, например, может быть, существует слово для обозначения грусти, которая беспричинно охватывает тебя по вечерам, когда ты садишься перед дверью своего дома, и когда спускается ночь, которая превращает тебя в сиделку, потому что тебя охватывает страх, когда ты будешь прислушиваться к прерывистому дыханию детей, которое легко может перейти в короткое дыхание болезни; или твое сердце пронзит предчувствие предстоящих им в жизни испытаний, когда им придется брать свою гору, и ты боишься, что подъем им будет не под силу, и ты хотел бы быть в состоянии помочь им и взять их на руки. И вот весь комплекс твоих мыслей и чувств, нашедший выражение в одном единственном слове, стал бы итогом твоего опыта и молитвой твоего народа, если бы оказалось

, что к нему часто прибегают.

Но таким способом я не передаю ничего, чего бы ты уже не знал. Язык же мой по сути своей не предназначен для передачи подведенных уже итогов, как, скажем, раскрашивают в розовый цвет цветок; язык мой создан для построения из простейших слов структур, которые тебя свяжут. Дело не в том, чтобы сказать тебе, что такая-то прекрасна, а в том, чтобы передать, как она дрогнула твоё сердце в молчание, подобное журчащей в полдень струйке воды.

И ты должен пользоваться структурами, созданными гением твоего народа, которые связывают в соответствии с этим гением, подобно плетеным из лозняка корзинам или рыбачьим сетям. Если же смешаешь языки, ты не только не обогашишь человека, — ты опустошишь его, потому что вместо того, чтобы передать ему жизнь в структурах, ты дашь ему уже готовые и износившиеся построения, и вместо того, чтобы посвятить меня в чувства, которые пробуждает в тебе известный зеленый оттенок и передать, как тебя волнует и преображает вид яиченных зеленей, когда ты возвращаешься из своей пустыни, ты пытаешься пользоваться готовым словом, ставшим уже сложенной профзапас провизией, и это слово позволяет тебе что-то обозначить, но оно лишает тебя необходимости схватить.

---

Поэтому тщетны твои притязания назвать мне все цвета, заимствуя их обозначения там, где они имеются, и все чувства, — пользуясь их наименованиями, изобретенными там, где эти чувства переживают и где слово подытоживает опыт, накопленный поколениями и всей внутренней жизнью культуры, как настроение вечера.. Не воображай, что ты можешь обогатить человека, научив его этой общепринятой тарабарщине. Потому что единственное истинное богатство и величие человека вовсе не заключаются в праве пользования любым словарем, но в возможности превысить себя, но в преображении собственного существа, для обозначения чего как раз не имеется никаких слов, и ты сначала либо ничего не сможешь рассказать мне об этом, либо тебе потом понадобится слов больше, чем песчинок на дне морском.

И чего стоят тогда слова, которые ты украдешь и которые загрязнят твой язык по сравнению со всем тем, что тебе захочется выразить!

Потому что называть стоит только горные вершины, чём-то отличающиеся одна от другой, и расширяющиеся пределы вселенной. Может случиться, что таким способом я открою тебе какие-то новые истины, выражение которых окажется для твоего сердца подобно имени какого-то нового божества.. Потому что божество выражает известное соотношение качеств, основные свойства которых сами по себе не новы, но стали новыми в этом божестве..

Потому что я постиг: нужно даленным железом выжечь в твоем сердце знак, который стал для тебя источником обогащения. Из опасения, чтобы ты когда-нибудь не заблудился.

---

Знай, что ты ничего не расскажешь мне о своей жизни и сущности, пользуясь словами, взятыми в готовом виде из других структур. И если ты раскрасишь небо в красный цвет, а море - в синий, я откажусь пережить какое бы то ни было волнение от твоей картины, не то тебе слишком легко и дешево обходилось бы твое воздействие. ..

Чтобы воздействовать на меня, ты должен посвятить меня в связи и соотношения твоего языка, - вот почему стиль есть воздействие божественное. Ибо тогда ты подчиняешь меня своей структуре и вводишь меня в самый ритм своей жизни, которым нет равных в мире. Потому что если все рассказывали и о звезде, и о колодце, и о горах, - никто не призывал тебя подняться на вершину горы, чтобы испить чистейшей воды звездных глубин.

Если же случайно окажется, что в каком-то языке уже существует такое слово, - значит, я ничего не изобрел и не создал ничего живого. Не обременяй им своего словаря, если оно не понадобится тебе в твоем ежедневном общении. Потому что ложны боги, которых ты не упоминаешь в своих ежевечерних молитвах.

.. Если же случится, что этот образ тебя согревает, тогда он для тебя - горная вершина, откуда открывается перед тобою даль. И - Божий подарок. И тогда дай ему название,

чтобы помнить о нем.

89.

.. А между тем ты спрашиваешь: где же начинается царство и где оно кончается? Где начинается всеобщее и где оно кончается? А права человека — где они начинаются? Потому что мне ведомы права храма, который наделяет смыслом камни, и права царства, дающие смысл человеку, и права поэмы, дающей смысл словам. Но я не признаю прав камня на храм, ни прав слов на поэму, ни прав человека на царство.

.. Что такое эгоизм? Это болезнь и уродство. И тот, кто уходит один, говоря "я, я, я..." — уходит из царства. Так же и камень вне храма, или пустое слово вне стиха, или кусок мяса, не составляющий тела.

— Но мы можем, — говорят они, — уничтожить царство и объединить всех людей в один единственный храм, — и вот тогда все они будут наделены смыслом еще более всеобъемлющим.

— Ты ничего не понимаешь, — сказал мой отец. — Потому что ты видишь эти камни, которые составляют сначала руку и через нее получают свой смысл. Другие — шея, и другие — крыло. Все же вместе они составляют каменного ангела, эти своды и колонны. А теперь, если ты возьмешь этого каменного ангела, эти своды и колонны, — они все вместе составят храм. А если ты возьмешь все храмы, — они составят вместе святой город, который ведет тебя в твоем странствовании по пустыне. Не думаешь ли ты, что вместо того, чтобы подчинять камни руке, шее и крылу ангела, а через руку, шею и крыло — статуе, а затем через статуи — храму, а через храмы — святому городу, тебе было бы выгоднее подчинить с самого начала все камни этому святому городу и нагромоздить огромную бесформенную кучу камней, словно сияние святого города, который един, — не рождается из этого самого многообразия. Как будто сияние колонны, которая едина, не рождается из капители, из подножия и цоколя, которые различны. Потому что, чем выше истина, тем с большей высоты ты должен на нее взирать, чтобы постичь ее. Жизнь едина, так же, как и выход в море, а вместе с тем она принимает от уровня к уровню различные

формы, распределяя свое могущество от существа к существу, как от ступени к ступени лестницы. Потому что вот этот вот парусник = вещь, собранная из различных предметов. И, подойдя ближе, ты увидишь паруса, мачты, нос, корму, форштевень. А еще ближе ты увидишь, что они в свою очередь сделаны из канатов, бревен, досок и гвоздей. И каждую составную часть можно разложить на еще более мелкие.

И мое царство не имеет значения, ни истинной жизни, .. и паралы, солдаты не служат защите города, если этот город = лишь выложенные по линейке камни. Но мое царство прежде всего = твой очаг. Потом очаги, составляющие семьи. Потом семьи, составляющие род. Потом роды, составляющие племена. И, наконец, племена, составляющие царство. И это царство ты видишь живым и одухотворенным с запада до востока и с севера до юга, как парусник в море, питаемый ветром и плывущий к цели, которая неизменна, хотя ветер меняется, и парусник = есть собрание различных частей.

А теперь ты можешь продолжить свой труд и взять все царства, чтобы из них состоялся еще более обширный корабль, который вместил бы в себя и другие корабли и пустился бы с ними в плавание в направлении, которое было бы единым, питаемый различными и меняющимися ветрами, с тем, чтоб вершина фортевня была всегда устремлена к звездам. Потому что объединять = это значит находить более прочную связь между отдельными частями, а не стирать их различия ради бессмысленного порядка.

90.

И вот тебя охватывает беспокойство, потому что ты наблюдал злых тиранов, уничтожающих людей. И ты видел порабощившего их ростовщика. И иногда ты понимал, что строитель храма служит не столько Богу, сколько себе, и заставляет людей в поте лица трудиться ради его выгоды. И ты не видел, чтобы люди от этого вырастали.

Но весь ход твоих рассуждений не верен. Потому что не в том вознесение камней, чтобы из случайного соединения образовалась рука. Из случайно пригнанных членов = статуя ангела. Иначе ты был бы волен остановиться на любом уровне.

Вместо храма человека можно было бы подчинить просто руке статуи. Потому что ни тиран, ни ростовщик, ни рука статуи, ни сам храм не обладают способностью объединить в себе людей и обогащать их в возмещение за собственное обогащение. Не земная материя, случайно организовавшись, возносится к небу в дереве. Чтобы создать дерево, ты бросил сначала в землю зерно, которое спало в ней. Оно пришло сверху, а не снизу.

Твоя пирамида не имеет смысла, если она не заканчивается в Боге. Но Бог сходит к людям лишь после того, как он их преобразит. Ты можешь посвятить себя властыке, если сам он пребывает в Боге. Потому что тогда твое добро вернется к тебе, изменив свой вкус и свою сущность. А ростовщик не сделает этого, ни рука сама по себе, ни сам по себе храм, ни статуя. Потому что откуда возьмется эта рука, если она не будет порождена телом? Тело же не есть собрание членов. Но так же, как парусник не есть плод случайнаго собрания элементов, но порожден весь через разнообразие и кажущуюся противоречивость своих частей, — стремлением к морю, которое едино; точно так же и тело разделяется на члены, но не составляет суммы их, потому что не от материалов идут к целому, а, как скажет тебе всякий великий художник, и всякий садовник, и всякий поэт, — от целого к материалу. И мне достаточно вдохновить моих людей любовью к башне, возвышающейся над песками, чтобы рабы рабов моих строителей придумали бы, как подвезти камни и как выполнить множество других работ.

98.

Если ты надеешься, что твоя любовь будет принята, затай ее. Потому что она создает направление в мире, а всякое направление, которое позволяет тебе приближаться, входить, уходить, удаляться, находить, терять, — обогащает тебя. Потому что ты тот, кто должен жить. А жизни нет, если ни один бог не создал для тебя силовых линий.

Если твоя любовь не принята и становится бесплодной мольбой об ответе, словно о награде за верность, и если у тебя нет душевной силы молчать, тогда, если есть врач,

обратись к нему, чтобы он излечил тебя от любви. Потому что не надо смешивать любовь с рабством сердца. Любовь, превращающаяся в молитву, — прекрасна, любовь умоляющая — рабство.

Если любовь твоя наталкивается на непреодолимость, ве-щая — вроде глухой стены монастыря или изгнания, — тогда поблагодари Бога, если та, которую ты любишь, отвечает те-бе, хотя по видимости она для тебя нема и глуха. Потому что — значит для тебя в мире зажжена светильня. И для меня неважно, что ты не можешь ею пользоваться. Тот, кто умирает в пустыне, богат своим далеким домом, даже если он умирает.

Потому что если я строю великие души, я выбираю из них самую высокую, чтобы замуровать ее в молчании; тебе, может быть, покажется, что никому от этого не становится лучше. А между тем такая душа одухотворяет все царство. И всякий проходящий вдалеке падает ниц. И рождаются знамения и чудеса.

Итак, если есть к тебе любовь, хотя и бесплодная, и если ты любишь в ответ, — твой путь будет светел. Потому что если правда, что есть Бог, велика молитва, которая слы-шна лишь в молчании.

Если же твоя любовь принята, и если навстречу тебе раскрыты объятья, тогда молись Богу, чтоб Он спас эту лю-бовь от тления, потому что мне страшно за пресыщенное серд-це.

#### 137.

Не забывай, что твоя фраза есть действие. Если ты хо-чешь принудить меня к тому или иному поступку, тебе не ну-жно аргументировать. Уж не думаешь ли ты, что я решусь на тот или иной поступок, послушавшись твоих аргументов? Я найду еще более убедительные доводы, которые опровергнут твои.

Видел ли ты когда, чтобы брошенная жена возвратила себе мужа через суд, на котором она сумела бы доказать свою правоту? Всякий суд раздражает. Она не сможет тебя вернуть к себе, даже став с тобой такой, какой ты ее любил, потому что такой ты уже не любишь ее больше. И я убедился в этом

с той несчастной, на которой муж женился после того, как она спела ему грустную песенку; и вот она снова запела ту же песенку накануне развода. Но эта песенка привела его в ярость.

Может быть, ей удалось бы его вернуть, пробудив в нем того, кем он был, когда любил ее. Но для этого надо обладать даром созидания, потому что для этого надо что-то заложить в человека, как я закладываю в него тягу к морю, которая заставляет его стать строителем кораблей. И тогда разрастается дерево во всем многообразии своих частей. И тогда он снова попросит спеть ему ту грустную песенку.

Чтобы сотворить в тебе любовь к себе, я должен вызвать к жизни в тебе существо, которое рождается для меня. И я не буду рассказывать тебе о своих страданиях, потому что это вызовет в тебе только отвращение. И ты не услышишь моих упреков; потому что они только озлобляют тебя. И я не буду перечислять тебе тех причин, на основании которых ты должен полюбить меня, потому что у тебя нет этих причин. Причина любви есть любовь, и я не буду казаться тебе таким, каким ты хочешь меня видеть. Потому что ты больше не хочешь меня такого. Иначе ты бы еще любил меня. Но я воспитываю тебя для себя, и я заставлю тебя увидеть пейзаж, который сделает тебя моим другом.

Та, которую я забыл, словно ножом в сердце, ранила меня, сказавши: "Слышите ли вы звон вашего потерянного колокольчика?"

---

Потому что в конце концов, что я могу сказать тебе? Я часто всходил на вершину горы и садился. И смотрел сверху на город. Или гулял в молчании моей любви среди людей, и прислушивался к их словам. И, конечно, я слышал слова, за которыми следовали поступки. Так, отец говорил сыну: "Пойди набери мне кувшин воды из колодца", или капрал говорил солдату: "В полночь ты встанешь на вахту" ... Но мне казалось всегда, что такие слова не заключали в себе ничего тайного, и что путешественник, не знакомый с языком, наблюдавший связь таких слов с вытекающими из них обыденными отправлениями, не нашел бы в этом ничего удивительного, как нет

ничего удивительного и непостижимого в проявлениях жизни муравейника. И я, наблюдая деятельность человека, его перемещения, его строительство, и уход за больными, и его производство и торговлю, — не видел ничего, что отличало бы людей от животных, — разве что люди были смелее и изобретательнее, и донятливее, чем животные, но мне со всей очевидностью представлялось, что наблюдая их в повседневном обиходе, я еще не видел в них человека.

.. Потому что человек вставал передо мной и оказывался для меня загадкой, неразрешимой на основании законов муравейника, и я не могу схватить сущности человека, не владея смыслом слов, — на рыночной площади, когда я видел сидящего в кольце слушателей сказителя, который, обладай он талантом, был бы в состоянии, закончив рассказ, поднять своих слушателей и повести их поджигать собственный город.

Я видел мирные толпы, которые поднимались по голосу пророка и шли за ним, чтобы раствориться в горниле битвы. И нужно, чтобы был неотразим смысл, содержащийся в словах, чтобы, восприняв их, толпа, отринув законы муравейника, превратилась в пожар, обрекая самое себя на погибель.

Потому что и те, что возвращались домой, были преображены. И мне казалось, что для того, чтобы поверить в чудеса, совсем не нужно было домысляться их объяснений в бреднях магов, ибо я своими ушами слышал сочетание действенных слов, которые были способны выгнать меня из дома, оторвать от работы, заставить расстаться со своими привычками и пойти навстречу смерти..

Вот почему я каждый раз внимательно прислушивался, чтобы различить слова действенные и слова, не несущие в себе никакой созидающей силы, чтобы научиться распознавать заключенный в них смысл. Потому что смыслом обладает не то, что выражено словами. Иначе каждый мог бы стать большим поэтом. И каждый бы мог ~~широко~~ стать вождем человеческим и призывать: "За мной, в атаку, в огонь, в пороховой дым...". Но если ты попытаешься сказать такие слова, ты вызовешь только смех. Так и с теми, кто проповедует добро.

Но потому что мне пришлось слышать людей, которые могли своими словами поднять и преобразить человека, и после

Но и здесь опять-таки дело обстоит та же, как и с твоими врагами, которые несут тебе смерть и одновременно обогащают тебя. Потому что, если бы ты умел провидеть истинный источник радости и сумел бы спасти и сохранить его и свой пламень душевный, даже обитая на благословенном острове, родившийся в тебе человек был бы несомненно еще могущественнее и богаче, подобно тому, как из многострунного инструмента ты можешь извлечь более богатый звук, чем из балалайки с одной струной. Но вместе с тем не богатство лесов, неткани, не вина, не запасы провизии облагораживают дворец моего отца, в котором каждый шаг был наделен смыслом.

Точно также обстоит дело со всяким украшением, которое ничего не стоит в магазинной витрине и приобретает смысл, когда оно вынуто из сундуков и поставлено в доме, и служит украшению его лика.

149.

Мой отец говорил:

— Им кажется, что они становятся богаче, умножая свой запас слов. Что говорить, я, конечно, мог бы воспользоваться каким-нибудь словом (новым), которое обозначало бы для меня "октябрьское солнце", в отличие от другого солнца. Но я не вижу, чтобы я от этого выиграл. Я, наоборот, думаю, что утратил бы выражение зависимости, которой связаны для меня октябрь месяц, и октябрьские плоды, и прохлада, с этим солнцем, которое уже не справляется со своим делом, потому что оно устало. Редки слова, которые дают мне возможность что-то выиграть, выражая сразу полную систему зависимости, которую я мог бы использовать и в ином смысле, как, например, слово "ревность". Потому что ревность позволяет мне не развертывая перед тобой всей системы зависимостей, идентифицировать две сопоставляемых вещи. Так я сказал бы: "Жажды есть ревность воды". Потому что те, кого я видел умирающими от жажды, страдали не так, как страдают люди, мучимые болезнью, хотя бы и такой страшной, как чума, которая тебя притупляет и извлекает из тебя лишь слабые стенания. Нет, вода заставляет тебя жить, потому что ты вожделеешь ее. И тебе снятся люди, которые пьют воду. И ты чувствуешь, что вода изменила тебе, если она журчит где-то для других. По-

146.

добно женщине, которая улыбается твоему врагу. И твое страдание порождено не болезнью, но душой, любовью, образами, которые имеют совсем особую, иную власть над тобой. Потому что ты живешь по законам царства, основанных не на вещах, но на смысле вещей. А "октябрьское солнце" мало пригодится тебе, потому что слишком узок его смысл.

За то я обогащу тебя, если научу, как, пользуясь одними и теми же словами, сооружать различные западни, пригодные для ~~тебя~~ добычи. Так, веревка с узлом может послужить тебе и для силка на лисиц, и для крепления парусов в море, которые наполняются ветром. Но игра моих периодов и своеобразное употребление глагольных форм, и ритм моих вводных предложений, и повторы, и возвраты, — весь этот танец, который ты исполнишь, передаст другому человеку то, что ты хотел в Него вложить, и он уловит в твоей книге именно то, что ты пытался ему открыть. Осознать, — сказал по другому поводу мой отец, — это прежде всего схватить стилем.

— Осознать, — говорил он, — это вовсе не значит овладеть идеей, которые преспокойно улягутся в тебя на вечный сон. Какое мне дело до твоих знаний и какой тебе в них толк, если они не служат тебе в твоем ремесле, которое сводится к сооружению мостов, или к добыче золота, или к разработке плана больших городов. На этот формулярный поиск — еще не человек. Осознать — это не значит также обогащать свой словарь. Потому что увеличение словарного запаса позволит тебе, конечно, более широко применять понятие ревности, но только качество твоего стиля определяет истинный смысл твоих поступков. В противном случае мне нечего делать с посылками твоей мысли. Я предпочитаю слышать "октябрьское солнце", которое больше говорит моим глазам и сердцу, чем твое новое слово. Твои камни суть камни, потом они составляют колонну, а колонны входят в состав собора. Но я мог показать тебе эти все более и более ширящиеся соединения лишь благодаря гению моего зодчего, который избрал их для все более и более углубленного выражения своего стиля, то есть для приложений своих силовых линий к камню. И точно такой же процесс ты производишь с фразой. И он-то имеет первостепенное значение.

Посмотри на этого дикаря, — говорил мой отец, — ты можешь обогатить его словарь, и он превратится в неумолчного

болтуна. Ты можешь набить его мозги всем багажом знаний, и этот болтун превратится в претенциозного сноба. И ты уже не сможешь его остановить. И он будет упиваться пустыми фразами. И ты, слепец, ты скажешь себе: как могло случиться, что моя культура не только не способствовала развитию этого дикаря, но превратила его в тупицу, и из него вышел не мудрец, которого я надеялся воспитать, а подонок, с которым мне нечего делать. Только теперь мне стало ясно, как он был хорош и благороден, и чист в своей невежественности !!

Потому что этот дикарь нуждался только в одном даре, которым ты все более и более пренебрегаешь и который ты все чаще предаешь забвению. И этот дар есть стиль. Потому что вместо того, чтобы забавляться игрой в свои знания, как в разноцветные шары, и наслаждаться мелодичными звуками их столкновений, и увлекаться жонглерством, он смог бы при наличии куда более скромных познаний пробиться к духовному пути, в котором только и заключается вознесение человека. И вот он стал бы тих и молчалив, как ребенок, который, получив от тебя игрушку, производил сначала только шум. Но ты показал бы ему, как пользоваться этой игрушкой для сооружения разных фигур. И ты увидел бы, как он задумался и примолк. Вот он уединился в свою комнату, со средоточенно наморщил свой лоб, и в нем началось становление человека.

Итак, научи своего тупицу прежде всего грамматике и употреблению глаголов. И дополнений. Научи его действовать, не утруждая его заботой о воздействии. И ты увидишь, что те, что производили слишком много шума и забавлялись, как ты говоришь, игрой в идеи, и утомляли тебя, - вдруг замкнулись в молчании. Которое есть единственный знак качества.

191.

И стал я размышлять о дриянии смерти. Потому что логики, историки и критики ради самого материала возвеличивали камни, из которых построены твои храмы; и ты поверил, что дело в них, тогда как ручка серебряного кувшина, если ее изгиб совершенен, дороже кувшина, сделанного из чистого

золата, и больше говорит твоему уму и сердцу. И вот, не разобравшись в своих истинных желаниях, ты воображаешь, что можешь построить свое счастье на обладании, и до потери сил нагромождаешь в кучу камни, которые в другом месте могли бы пойти на соружение храма; ты же в них долагаешь условие своего счастья. Другой же согревает душу одним единственным камнем, высекая в нем лицо своего Бога.

Ты похож на человека, которому неведома игра в шахматы и который находит удовольствие лишь в накоплении фигурок из золота и слоновой кости, и не понимает радости самой игры; тогда как другой, в котором изумительные правила пробудили вкус к мудрой игре, научился познанию ее на грубых чурках из простого дерева. Потому что страсть считать и накапливать привязывает тебя к материалу, а не к лицу, который этот материал воплощает, и который прежде всего подлежит познать. Поэтому-то ты видишь в жизни прежде всего накопление дней, тогда как если храм совершенен своими линиями, было бы безумием сожалеть о том, что для его сооружения не потребовалось большего количества камней.

Не перечисляй же мне, чтобы меня ослепить, камни, из которых построен твой дом, ни пастища твоих владений, ни головы твоих стад, ни драгоценности твоей жены, ни даже воспоминания о твоих страстях. Все это малого стоит. Я хочу знать добротность построенного тобой дома, горячность веры в твоих слугах, и царит ли веселье за ужином в твоем доме после завершенного трудового дня. И велика ли была твоя любовь, и на кого, более долговечного, чем ты сам, обменял ты свое существование. Я хочу знать тебя ставшим. Я хочу прочесть тебя в твоих твореньях, а не в материалах, на накоплениях которых ты сотворил себе суетную славу.

Но тут ты хочешь, чтоб я рассудил тебя с твоим инстинктом. Потому что он-де заставляет тебя страшиться смерти и ты в каждом животном наблюдаешь стремление жить. Ты скажешь мне, что потребность пережить превыше всех других призываний. Что дар жизни бесценен, и ты обязан перед самим собой беречь этот дар. И ты, конечно, будешь героически сражаться, спасая собственную жизнь. И ты проявишь смелость при осаде

города, и смелость при сокрушении врага, и смелость в грабеже побежденного. И ты будешь опьянен силой сильного, который все бросит на весы, лишь бы увеличить тем свой собственный вес. Но ты не согласишься умереть в молчании, в тайном притии смерти как дара.

Между тем, я укажу тебе на отца, который бросится в пучину, потому что сын еготонет и лицо его еще время от времени вспывает, все более и более бледное, как луна в разрывах туч. И я скажу тебе: "Стало быть, над отцом не властен инстинкт жизни..."

— Да, — скажешь ты. — Но инстинкт жизни глубже. Он говорит в отце за сына. Он говорит в выбранных посланцах за весь гарнизон. Отец связан с сыном...

И этот твой ответ мне приятнее, и глубже, и более насыщен словами. Но вот что я тебе скажу, чтобы просветить тебя.

Конечно, есть инстинкт жизни. Но он лишь одно из проявлений инстинкта еще более сильного. Самый же сильный инстинкт — это инстинкт вечности. И тот, кто был сотворен живым в теле, ищет удовлетворения этого инстинкта в бессмертии тела. А тот, кто был сотворен в любви к ребенку, ищет удовлетворения в спасении ребенка. Тот же, кто был сотворен в любви к Богу, ищет вечности в вознесении к Богу. Ты не ишь того, чего не знаешь, ты стремишься спасти то, в чём полагаешь свою любовь в той мере, в какой способен любить. Я же могу обменять твою жизнь на нечто более высокое и не лишу тебя при этом ничего твоего.

192.

Потому что ты не знаешь радости, если думаешь, что дерево живо ради себя самого, заключенного в свою оболочку. А оно — источник крылатых семян и преображается и становится прекрасным от поколения к поколению. Оно растет вширь, но не так, как ты накапливаешь свое добро, а как пожар по воле ветров. Ты сажаешь кедр на вершине горы, и вот медленно, в течение веков, вокруг него вырастает лес.

За что считает себя само дерево? За что могло бы счастье

себя само дерево? Оно сочло бы своим долгом по отношению к самому себе распространять и укреплять свои корни, — а оно — лишь путь и переход. Через него земля сочетается с медом солнца, через него набухают почки, раскрываются цветы, питается семя, и семя уносит жизнь, как огонь, угото-ванный, но еще незримый.

И если я сею на ветру семена, я сею пожар на земле. Но ты видишь лишь маленький отрезок жизни. Ты видишь эту неподвижную листву, эти отягченные, прочно прикрепленные к стволу ветви, и ты считаешь дерево недвижимым, живущим в себе и зреющим собою. Ты близорук и не видишь действительности дальше своего носа. Но достаточно отойти на некоторое отдаление и ускорить маятник дней, чтобы увидеть, как из твоего семени выбьется пламя, а из этого пламени — другое, и разгорится пожар и сбросит с себя останки сгоревшего леса, потому что лес горит в безмолвии. И ты больше уже не увидишь ни того дерева, ни другого. И ты поймешь, что корни не служили шину ни тому, ни другому, но что этот огонь — пожирающий и одновременно созидающий, и вся масса темной листвы, покрывающей твою гору, отныне лишь земля, оплодотворенная солнцем. И на расчистившейся просеке устраивают свои норки зайцы, а в порослях — птицы. И ты уже не знаешь про корни — кому они в первую очередь служили. Они — лишь ступень и переход. И почему ты требуешь от дерева то, чего ты не требуешь от семени? Ты же не говоришь: "Семя живо для себя. Оно завершено.. Стебель живет для себя, он завершен. Семя, в котором вызрел цветок, живет для себя, оно завершено." И так без конца, с каждым новым ростком, который упрямо пробивается среди камней. Какую ступень захочешь ты избрать в качестве окончательной? Я вижу лишь непрерывное вознесение земли к небу.

Так же и о человеке, и о моем народе, о котором я не знаю, куда он идет. Заперты амбары и на замке жилье, когда сходит ночь. Спят дети, спят старухи и старики, — что могу я сказать об их пути? Так трудно различить что-нибудь, так неясно все; что можно сказать на основании того, как протекло всего лишь одно время года, которое прибавило одну лишь морщину старухе, и лишь несколько слов в языке ребенка, кото-

рое почти не изменило улыбки, которое ничего не изменило ни в совершенстве, ни в несовершенстве человека. А между тем, народ мой, охватывая мыслью поколения, я вижу, как ты пробуждаешься и приходишь к сознанию самого себя.

Но, конечно, никто не в состоянии мыслить вне себя. И это благо. Важно, чтобы чеканщик не отвлекался, чеканя серебряные изделия. Чтобы геометр думал о геометрии, чтобы царь царствовал. Потому что таковы условия движения. Так же, как кузнецы, кующие гвозди, поют песни кузнедов, а пильщики досок — песни пильщиков досок, хотя и те и другие зачинают корабль. Но благо для них, если через стихи им дано дознать парусник. Не меньше будут любить свои доски и гвозди, — совсем напротив, — все те, кто таким образом поймут, что они снова соединяются и завершаются в этом стройном крылатом лебеде, питаемом ветрами морей.

Так же как цель твоя не избавляет тебя, самим фактом своего величия, от того, чтобы утром лишний раз подмети комнату, или от того, чтобы посеять горсть пшеницы после стольких других, или снова выполнить ту или иную повседневную работу, или научить своего сына новому слову или молитве, — так же и знание о паруснике должно заставить тебя дрожать, а не пренебрегать досками и гвоздями, — точно так же я хочу, чтобы ты был уверен, что дело не в твоем обеде, и не в твоей молитве, и не в твоем труде, ни в твоем ребенке, ни в твоем празднике среди близких, ни в вещи, которой ты освящаешь свой дом; потому что все они — лишь условие, путь и переход. Но знай, что предупреждая тебя об этом, я не только не заставляю презирать тебя все это, но лишь еще больше ценить и то и другое, как дорогу со всеми ее извилинами, с благоуханием шиповника, с колеями и спусками по склону холмов, — ибо все это ты оценишь и познаешь лучше, если это будет для тебя не безвыходным тупиком, в котором ты скучишься, — а путем к морю.

И я не позволю тебе говорить: для чего мне подметать комнату, для чего волочить груз, кормить этого ребенка, знакомиться с этой книгой? Потому что, если нужно чтобы ты заснул, пусть тебе снится обед, а не царство; как часовой, ты должен быть всегда готовым к посещению, о котором ты не будешь предупрежден, и поэтому хоть на мгновение не затыкай

ушей и не закрывай глаз, но превратись в слух и зрение, и скучное подметание комнаты выполни как обряд культа, не имеющего еще своего выражения.

И как каждое биение твоего сердца, каждая боль, каждое желание, каждый грустный вечер, каждая усталость на исходе дня, каждое пробуждение, каждое усилие в труде, каждая улыбка, каждая сладость отхода ко сну — имеют смысл божественного слова, прочитываемого в каждом твоем шаге.

Вы ничего не обретаете, превратив свою жизнь в оседлое прозябанье, став сами накоплением среди накоплений. Потому что накопления не живут, и всякий, переставший растить, умирает.

### 193.

Потому что ты обездолен своим представлением о равенстве. Ты говоришь: "Пусть разделят эту жемчужину между всеми. Её мог найти каждый ныряльщик".

И вот море перестает быть чудом и источником радости, и сказкой судьбы. И догружение на дно того или другого исследователя — уже не обряд культа и не чудо легендарного подвига из-за черной жемчужины, выловленной в тот год другим исследователем.

Потому так же, как я хочу, чтобы ты был экономным в течение всего года и обрекал себя на лишения и воздержание, чтобы отложить сбережения для единственного праздника, смысл которого не заиждется в самом празднике, потому что этот праздник лишь мгновение — мгновение расцвета, и победа, и прибытие принца, — но смысл его в том, чтобы весь твой год был пропитан ароматом предвестия и воспоминанием о награде, потому что прекрасен лишь путь, ведущий к морю. Ты строишь гнездо, в предуготовление новой жизни, сущность которой не в гнезде. И ты несешь тяготы войны ради победы, сущность которой не война. И ты целый год готовишь свой дом для приема принца, точно так же и я хочу, чтобы ты никогда не уравнивал одного по другому во имя ложной справедливости, потому что ты никогда не сделаешь юношу старцем, и твое равенство будет всегда однобоким. И твой дележ жемчужины не обогатит никого, но я хочу, чтобы ты отказался от

своей убогой доли ради того, чтобы тот, кто нашел эту жемчужину, вернулся бы домой, сияющий ее отражением; и когда жена спросит его, он сказал бы: "Угадай!" и протянул бы ей руку с зажатым в кулаке сокровищем, потому что он хотел бы подразнить ее любопытство и насладиться счастьем и восторгом, которые он властен пробудить одним расжатием пальцев...

И тогда все обогащены. Потому что он своей удачей доказал, что шарить на дне морском - нечто иное, чем просто каторжный труд. Так песни любви, которые распевают перед тобой мои певцы, прививают тебе вкус любви. И красота, которую они возвеличивают, делает прекрасными всех женщин. Потому что если есть хоть одна, которая стоит того, чтобы умереть за сладость обладания ею, - значит, через нее ты познаешь цену самой любви, за которую можно отдать жизнь. И тогда всякая женщина будет достойна этой цены, потому что каждая, может быть, таит в себе, как море, редчайшую и драгоценнейшую жемчужину...

И ты уже не сможешь подойти ни к одной из них без того, чтобы у тебя не забилось сердце, как бьется оно у искателей Коралловой бухты, когда они бросаются в море.

Ты несправедлив к будням, когда ты готовишь праздник, потому что праздник наделяет своим ароматом каждый будний день, и сам ты становишься богаче от того, что этот праздник наступит. И ты несправедлив к самому себе, если ты не радуешься жемчужине соседа, потому что жемчужина, выпавшая ему на долю, осветит возможностью чуда все твои будущие труды, так же, как родник, о котором я говорил и который струится в сердце самого далекого оазиса, наполняет своим очарованием всю пустыню.

О, твоя справедливость требует, чтобы один день был похож на другой, и один человек - на другого человека. Если жена твоя сварлива, - ты можешь выгнать ее и выбрать другую, покладистую. Потому что ты думаешь, что ты - ларец для подарка, и ты не получил еще своего подарка. Но я хочу сделать любовь вечной. И любовь только там, где выбор необратим, потому что становление требует ограничения. И радость засады, и охоты, и ловли - отлична от любви. Потому

что тогда твое значение в том, что ты = охотник. А значение женщины в том, что она = добыча. Вот почему, пойманная, она уже не стоит больше ничего, так как она выполнила свое назначение. Какое дело поэту до написанных стихов? Его значение - в дальнейшем созидании. Но если я закрыл двери брачного цокоя твоего дома, тебе ничего не остается, как пойти еще дальше. Твое значение - быть супругом. И значение твоей жены - быть супругой. И я наполнил эти слова более глубоким смыслом, и ты со всей глубиной чувства говоришь: "моя жена..." И ты познаешь иные радости. И, конечно, иные страдания. Но они = условие твоей радости. Ты можешь умереть ради жены своей, раз она часть тебя, как ты = часть ее. Но ты не умрешь ради своей добычи. И твоя верность = верность паломника, а не усталого охотника. Верность же охотника или страсть охотника, удовлетворенная, приводит к скуке, а не к свету. И, конечно же, есть искатели, которые никогда не найдут жемчужины. И есть люди, которые испытывают горечь на брачном ложе, которое они избрали. Но неудача этих искателей жемчуга есть условие притягательного сияния моря. И это чудо светит всем, даже тем, кто ничего не нашел. И горечь вторых - условие чуда любви, сияние которой равно для всех - и для тех, кто несчастен в любви. Потому что жаждя любви, и сожаление, и печаль в ней стоят большего, чем удовлетворенность скотины, которой неведома любовь. Точно так же, как в сердце пустыни, где ты изнемогаешь от жажды и терни, ты предпочел бы слезы о роднике забвению его.

Потому что в этом заключена тайна, которую мне дано было постичь. Точно так же, как тытворишь то, что тебя поглощает, независимо от того, борешься ли ты за или против, - и поэтому ты дурной солдат, если ты борешься из одной ненависти к Богу врага, а чтобы согласиться умереть, тебе нужно прежде всего биться из любви к своему Богу - так тебя просвещает, питает и обогащает то, о чем ты сожалеешь, к чему ты влечешься, о чем ты плачешь в той же мере, как и то, что ты добыл. И мать с изможденным лицом, в котором утратила, приобретя иной смысл, превратилась в улыбку, живет памятью об умершем ребенке.

Если я уничтожу для тебя все условия, создающие любовь, чтобы освободить тебя от любовных страданий, — что я дам тебе? Ежели же знание, что в пустыне нет оазиса, уладит страдания тех, кто сбился с пути и умирает от жажды?

Я же говорю тебе, что источник, если он истинно воспет и построен в твоем сердце, напоит тебя в час, когда ты обречен на смерть в песках и готов скинуть свою оболочку, водой покоя, проис текающей не из вещей, но из смысла вещей, и я еще сумею вызвать на твоем лице улыбку, рассказав о сладостном журчании родника..

Как же ты можешь не последовать за мной? Я — твой смысл. Поселяя в тебе сожаление, я очаровываю для тебя песни. Я открываю тебе любовь. Из благоухания я творю царство.

213.

И вот я состарился, Господи, и стал слаб, как деревья в пору зимних бурь. Я устал и от друзей, и от врагов. И безрадостны мысли мои, потому что я должен и убивать и исцелять, ибо Ты вселил в меня потребность примирять противоречия, и потому так жестока судьба моя. А вместе с тем я только так могу подняться к Твоему умолчанию, задавая все меньшее и меньшее вопросов, пока не умрут все вопросы.

Господи, молю Тебя, из того, кто, укрепившись у северных границ моего царства, был мне возлюбленным врагом, и из друга моего, единственного настоящего Геометра, и из меня самого, — уже миновавшего перевал и оставившего за собой свое поколение, словно на склоне горы, уже преодоленном, — из нас трех сотвори единство во славу Твою и упокой меня среди песков пустыни, где я много трудился.

---

Господи, после того, что я сделал, что было в моих силах, для моего народа, я помолюсь о самом себе. Оттого, что Ты задал мне слишком трудную работу, я не смог соединиться в жизни ни с кем, кого я мог бы полюбить, и мне пришлось довольствоваться общением, приносящим лишь душевые радости, тогда как сладостно знать, что у тебя есть дом, куда ты вернешься, и сладостны звуки родных голосов, и детские жа-

лобы той, что оплакивает потерянное сокровище, тогда как истинная причина ее слез — смерть, разлучающая со всеми сокровищами. Но Ты обрек меня на молчание, чтобы за ветром слов я смог расслышать их смысл, раз назначение мое — склониться над страхом людей и исцелять их от него.

Ты, конечно, хотел, чтобы я не растративал время на болтовню и жалобы, и на оплакивание потерянного сокровища, или на разговоры о любви и дружбе, потому что нет смысла во всем этом, — и дело не в сокровище, а в смерти. И любовь и дружба по-настоящему завязываются только в Тебе одном, и в Твоей воле позволяет мне познать их через Твое молчание.

— На что мне надеяться, раз я знаю, что Ты не удостоишь меня явлением Своим на моем уровне, и это было бы противно Твоему достоинству; и я не жду никаких откровений об архангеле от балацанного паяца. Потому что я, обращающийся не просто к любимому человеку, но к пахарю или пастуху, — я имею много чего дать, но мне начего получать. И если оказывается, что моя улыбка может вдохновить часового, и что я царь и во мне узел царства, сотворенного на его крови, и что царство через мою улыбку вознаграждает его за пролитые пот и кровь, чего же мне, Господи, ждать от улыбки женщины? Не моя забота, любят меня те, или иные, и безразлично мне, знают ли они меня или ненавидят, лишь бы они почитали во мне путь к Тебе, потому что я хочу любви лишь к Тебе, — они же, Господи, от Тебя, и я от Тебя, — дабы я сложил псалом из слов их любви, так же, как честь, отдаваемая часовыми, я отнюдь к царству, потому что я не стена, но превращение берна, которое высасывает из земли соки, чтобы протянуться ветвями к солнцу.

.. И вот иногда, оттого, что нет для меня царя, который ободрил бы меня своей улыбкой, что мне додобает быть одному вплоть до того часа, когда Ты снизойдешь, чтобы принять меня и соединить с теми, в ком любовь моя, .. ← .. иногда меня охватывает такая усталость от одиночества и такая потребность соединиться с теми, кто составляет мой народ, что я понимаю, что я недостаточно чист.

И кажется мне таким счастливым садовником, которому удалось снестись со своим другом, и меня охватывает желание

точно так же сливаясь в их Боге с саловниками моего царства. И вот на рассвете я медленными шагами спускаюсь по ступенькам моего дворца в сад. Направляясь к розам. И внимательно гляжу по сторонам, и бережно склоняясь над каким-нибудь стеблем, — я, который в наступлении подушки должен буду выбирать между помилованием и казнью, между миром и войной, между созищением и разрушением царства. Потом я с усилием покинулся от зефира, потому что становлюсь стар, я просто говорю в своем сердце всем саловникам, живым и умершим, чтобы соединиться с ними единственным путем: "И я сегодня утром подрезал свою розу". И неважно, сколько будет идти мое послание и дойдет ли оно не где-либо. Не в этом его смысл. Чтобы соединиться с моими саловниками, я непросту склонялся перед их Богом, который есть розовый куст на рассвете.

Господи, так и с моим любимым врагом, с которым я соединяюсь лишь вна самого себя, так же стоит дело и для него, потому что он похож на меня.

И вот я вершу суд по своему разумению. И мой и его мудрость кажутся противоречанием одна другой, — и когда они сталкиваются, разгорается война. Но и он, и я, противоположными путями, — мы находимся наими ладонями словесные линии одного и того же стиха. И в Тебе едином, Господи, они встречаются.

И вот я завершил свой труд, и я украсил душу своего народа. И он закончил свой труд и украсил душу своего народа. И пумая о нем, и он, пумая обо мне, — хоть нам и не дано языка, чтобы общаться, — когда сотворен наш суд, и освящен обряд, и объявлена кара или милость, мы можем сказать « он за меня и я за него: "Сегодня утром я подрезал свою розу..."

Потому что Ты еси, Господи, общая мера того и другого. Ты — узел бытия, связующий воедино различные дела.